

ИСТОЧНИКИ

DOI: 10.46698/VNC.2026.100.61.014

ОСЕТИЯ В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ ДУГЛАСА ФРЕШФИЛДА (1868 Г.)

Г.В. Чочиев

Ниже представлен перевод связанных с Осетией фрагментов путевых заметок известного английского альпиниста и географа Дугласа Фрешфилда, сделанных во время его «большого» путешествия по Ближнему Востоку, Кавказу и европейской России в 1868 г. и опубликованных в следующем году в Лондоне. Содержащиеся в тексте описания контактов автора и его спутников с местным населением и наблюдения за бытом, обычаями и нравами последнего представляют несомненный интерес как документальные свидетельства очевидца-иностранца о различных сторонах материальной культуры и общественного быта, повседневного жизненного уклада, хозяйственной деятельности и этносоциальной психологии горцев-осетин в указанный период. Предлагаемые записки несут в себе также краткую, но достаточно оригинальную информацию о предгорных северо-осетинских поселениях и особенно терской областной столице Владикавказе. Несмотря на естественную для жанра мемуаров-травелогов субъективность и поверхностность некоторых оценок и суждений Фрешфилда, ввод в научный оборот приводимого им фактологического материала может послужить – в сочетании и сопоставлении с данными других источников – дополнительным подспорьем в работе специалистов-осетиноведов: этнографов, антропологов и историков.

Ключевые слова: травелог, Дуглас Фрешфилд, Осетия, материальная культура, общественный быт, повседневная жизнь, социально-экономическая трансформация.

Для цитирования: Чочиев Г.В. Осетия в путевых заметках Дугласа Фрешфилда (1868 г.) // Известия СОИГСИ. 2026. Вып. 61 (100). С. 145–173. DOI: 10.46698/VNC.2026.100.61.014

Поступила в редколлегию: 31.03.2026 г.

Принята к публикации: 15.09.2026 г.

Записки, дневники и воспоминания иностранных путешественников по Северному Кавказу представляют собой важный источник информации о прошлом региона, дополняющий ценными, а порой и уникальными свидетельствами данные отечественных документов и материалов. Этим обстоятельством обусловлена актуальность – в рамках задач современного кавказоведения – выявления и ввода в научный оборот подобных путеописаний-травелогов, отдельные из которых в последние годы были частично опубликованы в переводе на русский язык (см., напр.: [1; 2; 3]).

Достойные внимания современных профессиональных исследователей образцы путевой литературы о Кавказе с определенной регулярностью выходили в свет в западных издательствах на протяжении конца XVIII – середины XIX в. С завершением же Кавказской войны и вступлением края, прежде всего его горной части, в эпоху ускоренной модернизации по российско-имперским лекалам визиты сюда европейцев стали носить характер не только более частый, но и более разнообразный

по целям (в том числе спортивно-туристический) и, что важнее, более широкий по охватываемой географии (включающий в себя посещение ранее недоступных в силу военно-политических причин местностей).

Несомненно, одними из первых путешественников этого нового типа были молодые, но уже достаточно опытные английские альпинисты Дуглас Фрешфилд, Адольфус Мур и Коминс Такер, посетившие Кавказ в 1868 г. в качестве, по их собственному определению, «путешественников ради удовольствия» (pleasure-travellers, pleasure-visitors [4, 239, 488]). Основной целью их вояжа было исследование почти не знакомого тогда («известного менее, чем Анды или Гималаи» [4, vi]) западному горновосходительскому сообществу центрального участка Большого Кавказа между Казбеком и Эльбрусом и, собственно, покорение самих этих вершин, что и было успешно выполнено.

Инициатором предприятия и, судя по всему, ключевой фигурой группы являлся 23-летний Фрешфилд. Еще в детстве приобщенный родителями к этому элитарному в те времена виду спорта и успевший к моменту начала экспедиции окончить Оксфордский университет, он подробно фиксировал перипетии путешествия в ведшемся им дневнике, отредактированная и расширенная версия которого уже в следующем году вышла в Лондоне в виде книги под названием «Путешествия по Центральному Кавказу и Башану, включая посещения Арарата и Тебриза и восхождения на Казбек и Эльбрус» [4]. Как на то и рассчитывал сам автор, эта публикация в определенной степени способствовала пробуждению в Европе интереса к Кавказу как к потенциально не менее привлекательному с точки зрения занятия альпинизмом и горным туризмом региону, чем неплохо освоенные к тому времени Альпы.

Как явствует из названия книги, полный маршрут путешествия Фрешфилда и его спутников не ограничивался Кавказом. Покинув Англию в первых числах января 1868 г., всю оставшуюся часть зимы и большую часть весны этого года они провели на Ближнем Востоке, где знакомились с историческими, культурными и природными достопримечательностями Египта и Сирии (особенно исторической области Башан) и совершили несколько тренировочных восхождений в горах Антиливана. Отплыв из Бейрута, путешественники через Стамбул и Трабзон прибыли в мае в Потти и еще несколько недель потратили на странствия по российскому Закавказью и приграничным областям Персии, в ходе которых неудачно попытались подняться на Большой Арарат. 26 июня группа выехала из Тифлиса по Военно-Грузинской дороге в поселок Казбек (Казбеги, ныне Степанцминда в одноименном районе Грузии) и уже 1 июля совершила восхождение «в лоб» (без существенной подготовки и разведки) на вершину Казбек, навсегда закрепив за собой звание ее первопокорителей [5]. Исследовав в следующие два месяца высокогорье Осетии, Рачи, Сванетии, Балкарии и вновь Осетии, альпинисты в конце августа вернулись в Тифлис, а затем (Фрешфилд и Такер) отправились через Крым, современные Украину и Белоруссию в Санкт-Петербург, откуда отбыли на родину.

Во время пребывания группы на Кавказе в ее состав, помимо трех названных англичан, входили еще два человека, регулярно упоминаемые в повествовании. Первый – давний знакомый Фрешфилда по имени Франсуа Девуассу, уроженец французских Альп, выполнявший в походе обязанности горного гида и слуги широкого профиля. Второй – персонаж, выступающий в тексте под прозвищем Пол, на самом же деле – Бакуа Пипия, мингрел из Зугдиди, много лет прослуживший поваром при Гиффорде Пэлгрейве, британском консуле сперва в Сухуме, а затем Трабзоне, и по рекомендации последнего нанятый Фрешфилдом и его друзьями в качестве не столько приготовителя пищи, сколько переводчика, поскольку «говорил на французском, русском, турецком и грузинском языках» [4, 72–73, 77–78].

Фрешфилд в дальнейшем успешно занимался альпинизмом в крупнейших горных системах на различных континентах. В 1887 и 1889 гг. он еще дважды побывал на Кав-

казе, а в 1896 издал обобщающий его знания о географии региона труд «Исследование Кавказа» в двух томах [6]. Его перу принадлежит еще ряд книг о горновосходительстве и путешествиях. В 1893–1895 гг. Фрешфилд являлся президентом английского Альпийского клуба, в 1897–1911 – национальной Географической ассоциации, а в 1914–1917 – Королевского географического общества Великобритании [5; 7].

Ниже приводятся в русском переводе с некоторыми сокращениями и нашими примечаниями фрагменты дневника Фрешфилда, относящиеся к той части маршрута 1868 г., которая проходила через осетинские земли по обе стороны Главного Кавказского хребта, а именно верховья бассейнов Терека, Ардона, Уруха и Риони, а также – по завершении «высотной» миссии – через североосетинские предгорные селения и город Владикавказ. Хотя автор сетует, что из-за отсутствия в группе «образованного» переводчика ему не удалось собрать достаточно обширных и точных «этнологических деталей» [4, vi], все-таки содержащиеся в записках описание контактов англичан с местным населением и наблюдения за его бытом, обычаями и нравами представляют – при всей субъективности авторского восприятия и несомненном налете викторианского снобизма – определенный интерес как документальные свидетельства очевидца-иностранца о некоторых сторонах материальной культуры и общественно-го быта, повседневного уклада жизни, экономической активности и этносоциальной психологии горцев-осетин в указанный период.

Публикуемые отрывки из травелога Фрешфилда несут в себе достаточно обширную и многообразную информацию о посещенном им регионе, причем далеко не только географического, но также этнологического и культурологического (антропологического) характера.

В тексте широко представлена топонимия исторической Осетии. Описываются расположение и планировка сельских поселений, архитектура жилых, хозяйственных и оборонительных построек, внутреннее убранство домов. Называются разводимые домашние животные и выращиваемые культуры. Упоминаются продукты питания. Характеризуются, причем весьма детально, мужская одежда и оружие (поддерживаемые их владельцами в безупречном состоянии и носимые в «щегольской» манере). Отмечен также достаточно высокий авторитет старейшин. Свидетельства этого рода, несомненно, подтверждают значительную степень сохранности традиционного патриархального уклада жизни и форм материальной и общественной культуры среди горцев-осетин в описываемый период.

С другой стороны, автором зафиксированы и очевидные проявления затронувшего в пореформенную (особенно послевоенную) эпоху даже наиболее изолированные области Кавказа процесса социально-экономической трансформации/модернизации. В частности, дневники отразили факт начального проникновения в горную Осетию товарно-денежных отношений в виде предоставления местными жителями чужакам-путешественникам услуг постоя, пешего и конного проводничества, носильщичества и т.п. При этом акцентируется вариативность степени и образа распространения данных новаций в различных локальных (ущельных) общинах – от полувывомательского паттерна в восточных сегментах маршрута (верхний Тырсыгом, Закка) до вполне примитивно-рыночного в западных (Мамисон с Кадисаром/Гуршеви и, вероятно, верхняя Дигория). С авторской трактовкой этого расхождения как следствия сравнительно более тесного контакта сел второй условной группы с «цивилизованным» миром (русскими военными, строителями и т.п.), возможно, как-то коррелирует и свидетельство о постоянном нахождении в некоторых из них православных священников, в то время как в случае с периферийным Кадисаром напрашивается предположение об аккультурации также с соседним грузинским населением. В данном контексте небезынтересна и констатация Фрешфилдом «небедности» в целом описанных им сельчан.

Заслуживающими внимания представляются и получившие отражение в записях сведения о предгорных населенных пунктах севера Осетии, в первую очередь наблюдения за архитектурной и социокультурной спецификой Владикавказа.

Наконец, нельзя не заметить особо заинтересованной характеристики автором состояния дорог (от горных троп до шоссейных) и транспортных средств на всем протяжении маршрута.

Исходя из сказанного, правомерно заключить, что представленный текст содержит достаточно ценный фактологический материал (равно как и естественные для мемуаров-травелогов субъективные оценки и суждения) о положении Осетии в третьей четверти XIX в. и, будучи введен в научный оборот, может послужить – в сочетании и сопоставлении с данными других источников – дополнительным подспорьем в работе специалистов-осетиноведов: этнографов, антропологов и историков (включая, безусловно, исследователей истории туристического освоения региона) и, как мы полагаем, в некоторой степени расширить источниковую базу для написания научных работ по этнологии и истории Осетии.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ДУГЛАСА ФРЕШФИЛДА

После восхождения на Казбек группа Фрешфилда приступила к подготовке к следующим этапам запланированного путешествия.

(с. 208) Глава VIII. Долины Терека, Ардона и Риона

3 июля. – Прошло меньше недели с тех пор, как мы покинули Тифлис, а первая часть нашей программы была уже выполнена, и наиболее грозная из двух вершин, которые мы намеревались атаковать, – успешно покорена. Теперь нам предстояло подумать о менее впечатляющей, но на деле гораздо более сложной задаче, заключавшейся в том, чтобы пройти вдоль подножья главной цепи Кавказа от Казбека до Эльбруса, расстояние между которыми по прямой составляет 120 миль. Перед отъездом из Англии мы изучили немецкие карты, которые, хотя и были, как показало более близкое знакомство с местностью, зачастую неточны, все-таки давали довольно точное представление о расположении верхних долин по обе стороны водораздела, что дало нам возможность составить план нашего предполагаемого «высокого маршрута». После высадки в Потти мы узнали, что Мамисон (Mamisson), один из перевалов, который мы собирались пересечь, был хорошо известен русским и иногда использовался ими как путь между Владикавказом и Кутаисом. Помимо этого мы не смогли получить от чиновников никакой информации, (с. 209) а разработанный нами план перехода был отвергнут ими как невыполнимый. <...> Мы, однако, не видели причин отказываться от нашего первоначального замысла и потому были готовы уже на следующее утро после восхождения на Казбек отправиться обратно в Коб (Kobi), чтобы попрощаться с почтовыми дорогами и всей той цивилизацией, которую они с собой несут, и пуститься в путешествие по первобытным тропам среди природных обитателей этих гор. <...>

(с. 211) Наш план состоял в том, чтобы подняться по Тереку до его истока¹, перейти к Ардону (Ardon), спуститься вдоль восточного и подняться вдоль западного рукава этой реки, пересечь главную цепь по Мамисонскому перевалу и затем двигаться через верховья Риона и Ингура. <...>

3 июля мы в красивом стиле стартовали с казбекской почтовой станции. Наш выезд состоял из лучшей пары «телег», какую нам приходилось встречать в России, с хорошими лошадьми, которые два дня назад везли великих князей, по причине чего их сбруи все еще были перевиты яркими лентами. День был пасмурный, и вскоре дождь, которому в этом месяце суждено было выпасть на нашу долю в избытке, хлынул ливнем, так что, несмотря на макинтоши, мы прибыли в Коб насквозь промокшими. Начальник станции находился в обычном для него состоянии подпития, но мы смогли развести огонь, а затем послали за командиром размещавшихся там казаков, которому комендантом Душета было приказано приготовить лошадей для перевозки нашего багажа. От него мы узнали, что удалось (с. 212) раздобыть двух лошадей, которые, однако, не смогут идти с нами дальше Песа (Res), наивысшего села в долине Терека, поскольку проход оттуда в Двалетию (Dwaleth)², как называют верхнюю часть долины Ардона, считался непроходимым для навьюченных животных. Когда ливень утих, мы отправились в путь пешком, нагрузив багаж на лошадей, сопровождаемых их хозяевами.

Часть долины непосредственно над Кобом голая и неинтересная: длинные и крутые травянистые склоны закрывают обзор, и не видно ни одной снежной вершины. Мы прошли по заболоченным лугам до места, где долина разветвляется и главный поток вытекает из узкой расщелины слева. Затем наш путь лежал по левому берегу Терека через длинное и дикое, но едва ли живописное ущелье. Огромные лавины сошли весной по овражкам, и во многих местах они все еще покрывали тропу; исходя из следов их опустошений, которые мы видели здесь и в других местах и которые намного превосходили разрушения, производимые аналогичными силами в

Альпах, мы пришли к заключению, что зимние снегопады на Кавказе сильнее, чем в Швейцарии. Местность изобиловала минеральными источниками, некоторые из которых были насыщены железом и окрашивали землю на многие ярды вокруг себя. Отвратительная вонь, пронизывавшая часть ущелья, исходила, вероятно, от серного источника, хотя Пол и пытался убедить нас, что она была вызвана гниением растительности, оказавшейся посреди остатков лавин. Через некоторое время мы вышли в верхнюю долину – открытую, совершенно пустынную котловину, окруженную однообразными склонами, увенчанными скальными пиками ничем не примечательного вида. Больше привлекали взгляд ближайшие красоты природы, и ковер цветов, почти скрывавший траву под нашими ногами, служил нам утешением на фоне довольно разочаровывающей серости общего пейзажа. После неожиданного поворота тропы мы увидели группу местных жителей, сидевших на травянистом склоне холма (с. 213) и развлекавших себя музыкой и пением. Это были статные мужчины, рослые и военного вида, одетые в обычные длиннополые сюртуки и высокие меховые шапки³ осетин и имевшие при себе непременный набор оружия: сабли, кинжалы, ружья и пистолеты. Они поднялись нам навстречу, и после нескольких минут дружественной беседы мы продолжили наш путь. Пройдя три часа от Коба, мы увидели Четирс (Kektris) и Абану (Abano), два села, расположенных примерно в полумиле друг от друга, оба на левой стороне долины. Так как в этом районе нет леса, дома построены исключительно из камня: обычно это мрачные на вид сооружения грубой кладки, в которых оставлены небольшие проемы для окон; своеобразный характер селам придает, однако, количество башен, которые часто можно встретить в соотношении две на три дома. Ничего живописного нет (с. 214) в этих примитивных крепостях, стены которых скошены вовнутрь к вершине и издали напоминают скопление гигантских кирпичных печей; многие из них лежат в руинах. Проходя через Четирс, мы были не на шутку напуганы собаками великолепной породы, такими же большими, как сенбернары, и того же цвета, но с более лохматой шерстью и даже еще более умными мордами. Узкая улочка вилась между домами, на крышах которых расположились наши неприятели, приветствуя нас диким лаем и всячески демонстрируя желание броситься вниз и съесть нас. Я, однако, уверен, что эта свирепость была скорее показной, чем реальной. В Абане наши проводники нашли для нас жилье в доме самого состоятельного человека села, где мы обнаружили чистую комнату на верхнем этаже с двумя кроватями. Ужин был обещан, и у нас не было причин жаловаться на оказанный прием, так как вскоре нам был принесен самовар и зарезана какая-то птица.

4 июля. – Утром возник спор с нашим хозяином по поводу размера платы, и нам пришлось противостоять его чрезмерным требованиям.

Долина по мере нашего подъема по ней не становилась более интересной. В горной стране мало найдется более скучных маршрутов, чем ведущий из Абаны в Джимару (Gumara); котловина Терека гола и лишена каких-либо природных достопримечательностей, вид же на прекрасную снежную вершину Джимары (Gumaran Khokh) в боковом ущелье лишь на мгновение скрашивает общую унылость. <...> Расстояние отсюда до Реса было невелико, и изменения в пейзаже показывали, что мы приближаемся к верху (с. 215) долины. Склоны стали менее однообразными, окружающие же нас вершины – более отвесными и высокими. Деревушка Рес, где нам предстояло оставить вьючных лошадей, представляет собой скопление каменных лачуг, теснящихся одна над другой на крутом склоне холма. Посередине его мы сгрузили наши вьюки и, усевшись на камни, стали обедать, одновременно обсуждая вопрос о носильщиках с местными жителями, которые, конечно, не замедлили собраться вокруг нас. Это была компания статных, хотя и разбойничьего вида людей, однако за последние полгода мы слишком привыкли оказываться в подозрительных компаниях, чтобы придавать большое значение их облику. Начальное их требование состояло в том, чтобы мы на-

няли десять человек для переправки нашего багажа в Закку (Засса), самое верхнее село долины Ардона, и заплатили каждому по два рубля, что составило бы в сумме двадцать рублей или 2 фунта 15 шиллингов. Мы предложили им половину, от которой они сначала с презрением отказались, но в конце концов согласились, когда мы в качестве хитрости приказали снова навьючить лошадей и сделали вид, что собираемся вернуться тем же путем, каким пришли. Наши вьюки, которые были смехотворно легки (не более трети веса, обычно переносимого швейцарскими крестьянами), были с большим трудом и потерей времени приспособлены для переноски, и мы двинулись к перевалу, который уже виднелся впереди. Переход через бурный ручей, вытекавший из покрытой снегом ложбины в северной части горной цепи, доставил немало хлопот тем из нас, кто попытался совершить этот подвиг не замочив ног; зато наши носильщики использовали эту переправу как предлог для долгой задержки на переобувание.

Сандалии горцев Кавказа слишком своеобразны, чтобы оставить их без описания. Переплетенные кожаные ремешки набивают сухой травой и обвязывают вокруг стопы, так что подошву можно заменить в любой момент; эти замечательные сапожки выглядят вечными и в то же время обеспечивают ногам достаточную защиту (с. 216) от камней и холода. Долгое время мы думали, что они не выдержат контакта со снегом и льдом, но то, как люди из Пари⁴ преодолевали в них крутые снежные склоны между ущельями Накры и Баксана, полностью развеяло это наше предубеждение. С учетом такого стиля обуви в этой стране можно себе представить, какое удивление вызывали наши английские ботинки с двойной подошвой, крепко подбитой гвоздями, и нам частенько в деревнях приходилось поднимать ноги вверх в качестве шоу, пока какой-нибудь арифметический гений пытался сосчитать количество гвоздей в подошвах. После того как последняя сандалия была благополучно закреплена и переложена, наша процессия двинулась дальше.

Тропа, довольно приметная, уверенно поднималась над Тереком, самый верхний исток которого был уже в поле нашего зрения. Он вытекает из небольшого ледника у подножья Зилгахоха (Zilga Khokh), прекрасной вершины, расположенной в месте, где хребет, по которому пролегал наш путь, соединяется с водоразделом. Из склонов холмов бьют многочисленные ключи, русла которых усыпаны ярко-желтыми цветами лютиков. Последний подъем к перевалу проходил по крутому сланцевому склону, на котором лежало еще немало снега. Наши местные попутчики оказались достаточно глупы, чтобы избрать прямой путь вместо проторенных зигзагов тропы, что нас изрядно удивило; остальная часть группы, впрочем, предпочла придерживаться зигзагов, за исключением Мура, который последовал за носильщиками, чтобы проследить за их действиями с нашим добром. Так как они вскоре сбились с дыхания и каждую минуту пытались присесть, ему пришлось приложить немало усилий, чтобы подогнать их, подобно Инид⁵, когда она гнала перед собой буйных коней через пустыню. Разными маршрутами мы все прибыли почти в одну и ту же точку хребта высотой более 10 000 футов. Сам гребень был голым, но вокруг лежало много снега; (с. 217) ничто, впрочем, не должно было помешать лошадям, столь привычным к ходьбе по снегу, как кавказские, пересечь перевал. Вид назад, на Казбек, и вперед, на то, что, судя по пятиверстной карте⁶, являлось группой Адайхоха (Adai Khokh), должен был быть прекрасным, но, к сожалению, облака скрыли все более отдаленные вершины, и нам была видна лишь обрывистая громада Зилгахоха недалеко от нас к югу. <...> Тропа на западной стороне перевала сначала уходила вправо, а затем стремительно спускалась в зеленую котловину, что привычно всем альпийским путешественникам; еще один перевал, более низкий, чем тот, который мы только что пересекли, вел из котловины на юг, через водораздел, прямо к западному подножью Зилгахоха.

Со смешанным чувством радости и страха мы ожидали наступления момента, когда нам придется вести новые переговоры о переносе нашего багажа: с одной сто-

роны, мы были более чем рады избавиться от ресцев, которые вели себя в высшей степени вызывающе и дерзко во время спуска; с другой, мы опасались длительных препирательств, прежде чем удастся заключить новую сделку. По достижении Закки нам удалось найти дом, хозяин которого согласился накормить нас, и на верхней террасе мы сели снаружи, чтобы собрать наши вещи. Нас тут же окружила толпа местных, которые вскоре, не довольствуясь простым разглядыванием, обступили нас вплотную и стали так беззастенчиво напирать на нас, что мы спросили хозяина, не может ли он предоставить нам комнату для отдыха. Он указал на одну поблизости, и, поставив Франсуа в ее дверях, мы смогли избавиться от любопытства толпы (с. 218) и ограничить круг наших посетителей несколькими избранными старейшинами, которых развлекали показом некоторых европейских безделушек вроде ножей, телескопов и портативных кружек для питья. Как только все вещи оказались в наших руках, мы дали Полу 10 рублей, чтобы он расплатился с носильщиками. Деньги были переданы и поначалу спокойно приняты, но затем начались требования дополнительного рубля в качестве бакшиша, или трингельда⁷, или что там в осетинском соответствует этим хорошо известным терминам. Мы едва обрели убежище от гама и толкотни наружной толпы и не желали больше слышать надоевших звуков недовольных голосов, но когда поняли, что перепалка приняла серьезный оборот, выскочили наружу, Мур и Такер впереди. Они увидели, как ресцы толкают кипящего от ярости Пола, в то время как жители деревни со смехом наблюдают за этим. При появлении моих друзей один из негодаев схватил овчинный плащ Пола, и вся компания поспешно ретировалась вместе с этим трофеем. Такая картина предстала мне, когда я подошел к месту происшествия и обнаружил там Пола в крайнем возбуждении, а наших недавних носильщиков стоящими кучкой на тропе в пятидесяти ярдах от нас с нашим плащом в руках. Ничего не зная о произошедшем ранее, но помня, какой эффект обычно производит на людей Востока любой решительный шаг, я вообразил, что быстрые действия помогут разрешить вопрос, и, подбежав к ресцам, схватился за плащ и жестом приказал им бросить его. Они, однако, не имели такого намерения и вместо этого начали тузить меня в своеобразной манере, к счастью весьма безобидной, а именно круговыми шлепками по макушке. Это, несомненно, действенный способ нахлобучить головной убор на противника, носящего высокую овчинную шапку, но он совершенно безвреден для человека в широкополой шляпе из фетра. В целях самозащиты мне пришлось выпустить плащ, но через несколько секунд мои друзья пришли на помощь: Такер раздавал ворах прямые (с. 219) удары в глаза, Мур бросился вниз по склону с ледорубом, направленным острием в их животы, а Франсуа добавил всю тяжесть своей слоновой туши к этому объединенному натиску. После того как воры, получив порядка дюжины ударов в лицо, скатили таки Такера с насыпи, на которой происходила стычка, они внезапно пустились бежать и не остановились, пока река не оказалась между ними и нами. Таким образом, мы остались хозяевами поля брани, но враг завладел всеми плодами победы, ускользнув с добычей; мы же утешали себя незначительностью наших потерь и тем, что сохранили отличный посох, который одолжил у кого-то Пол и который в дальнейшем служил ему альпенштоком в течение всего путешествия⁸.

Нашим следующим шагом стало обращение к старейшине села с вопросом, как могло случиться, что он стоял и позволял грабить чужестранцев, в то время как его собственные люди подстрекали воров и помогали им. Единственным ответом этого образца природного благородства было то, что, если мы дадим ему что-нибудь за хлопоты, он вернет нам плащ, предложение, которое мы, разумеется, отказались принять. Взгляды сельчан были недружелюбными, и мы пришли к заключению, что лучше уступить вымогательству при найме лошадей, чем подвергнуть себя риску еще большего грабежа из-за задержки. Поэтому мы договорились с двумя статными, красиво одетыми парнями немедленно отправиться с нами вниз по долине с двумя ло-

шадьями. Мы были искренне рады стряхнуть со своих ног пыль Закки и снова быть в пути, но уже не с десятью, а всего с двумя из этих несговорчивых горцев. Долина эта безлесная, но пейзажи здесь намного превосходят верховья Терека. Склоны разнообразны и изломаны, на юге в верховьях узких боковых ущелий виднеются зубчатые пики, а на каждом пригодном для обороны скальном бугорке расположены скопления жилищ, над каждым из которых возвышается одна или несколько башен. (с. 220) Мы поднялись на ровный зеленый выступ, находящийся на некоторой высоте над левым берегом ручья, затем спустились в боковую ложину, на противоположном берегу которой прошли мимо еще одного села. Карта показывала, что это последнее из верхней группы сел, и после некоторого совещания мы через несколько минут остановились у одинокого дома на обочине дороги. Местом нашего ночлега стал большой пустой амбар, а, поскольку к провизии, которую мы везли с собой, нам удалось добавить яйца и молоко, ужин оказался совсем не плохим. Обстановка в течение вечера, однако, была не из приятных, так как наши проводники вели себя дерзко и подозрительно, и мы опасались нападения с их стороны ночью. Чтобы дать понять, что мы готовы к этому, перед отходом ко сну мы устроили большой смотр наших сил, демонстративно произведя выстрелы из трех наших револьверов и перезарядив их, что вызвало немалое изумление. Мы также собрали все наши вещи в одном конце амбара и спали настороженно, но ночь прошла без происшествий, и я надеюсь, что наши подозрения относительно этих людей были напрасны.

5 июля. – Мы наняли наших проводников только на срок до минувшего вечера, но, не сумев найти других, были вынуждены продолжать пользоваться их услугами, причем по их собственным расценкам, которые, конечно, были весьма завышены. Мы рассчитывали совершить легкую прогулку вниз по одному из рукавов Ардона и вверх по другому к подножью Мамисонского перевала, предполагая переночевать в одном из сел на его восточной стороне. Нашим первоначальным намерением было оставить Пола и тяжелый багаж у развилки потоков в Даллагкау (Dalla-Kav), а самим спуститься по главной долине на некоторое расстояние, а затем свернуть в боковое ущелье, которое, судя по пятиверстной карте, было покрыто лесом и содержало в самом своем верху крупнейший ледник группы Адайхоха, откуда мы могли бы (с. 221) найти обратный путь через горы к нашему багажу. Но после того, как осетины только что продемонстрировали нам пример своего «джентльменского» поведения⁹, казалось неразумным разделять группу и оставлять наше имущество на неопределенное время в их распоряжении; поэтому эта идея была отброшена, и мы решили продолжить путь в надежде, что жители долины Риона окажутся дружелюбнее своих соседей и что от туда можно будет подняться на Адайхох¹⁰.

Мы пересекли ручей по узкому пешеходному мостику прямо под местом нашего ночлега. В это же самое время овцы и козы также направлялись на пастбище, и было забавно наблюдать, как они толкали друг друга, стремясь поскорее переправиться. Минуту-другую овцы следовали довольно безмятежно, пока какой-то старый козел не бросался в их толпу и не сталкивал одного-двух ягнят в воду, при этом не раз и сам теряя равновесие и оказываясь в ручье. Течение было достаточно сильным, чтобы как следует пометать бедных овечек, прежде чем они снова вставали на ноги и, мокрые и блеющие, выходили из своей утренней ванны.

Нет ничего более раздражающего, чем гора на пути, когда у вас нет оснований ожидать ее появления. Поэтому лишь после тщательных расспросов мы согласились покинуть эту долину, которая, по уверениям наших проводников, сужалась ниже в непроходимую теснину, и двинулись вверх по склону горы высотой в 2500 футов. Хорошая конная тропа сначала поднималась очень крутыми зигзагами, а затем стала постепенно сползать вдоль гребня травянистого хребта и, обогнув верх какой-то лощины, вывела нас к горному уступу высотой около 9800 футов, откуда можно было

увидеть внизу другое боковое ущелье Ардона. С этой точки открывалась восхитительная панорама необычайного хаоса гор и переплетения ущелий, образующих верхний восточный бассейн Ардона. Эта (с. 222) река, как и Рион, образуется двумя потоками, текущими параллельно главной цепи до места их слияния, откуда их объединенный поток резко поворачивает под прямым углом в свое основное русло и прокладывает себе путь сквозь глубокую теснину, разделяющую группы Адайхоха и Казбека. Хребет между Мамисоном и Зилгахохом был хорошо виден и представлял собой линию крутых скалистых вершин, разделенных глубокими расщелинами, с перевалами высотой от 8000 до 10 000 футов, ведущими в южные долины. Горный хребет на севере гораздо величественнее, но, к сожалению, облака скрывали все вершины группы Адайхоха, и мы видели только нижнюю часть одного ледника.

У подножья выступающей горы, на которой мы стояли, находилось глубокое ущелье, заканчивающееся скалистым цирком, над которым сквозь туман виднелась удивительно острая вершина, называемая Теплихох (Tau Terply). Когда облака рассеялись, мы увидели, что острый скальный конус поддерживается длинным ледяным хребтом, лишаящим очертания горы части их крутизны. У нас была, и это вполне естественно, привычка постоянно сравнивать кавказские пейзажи со швейцарскими как лучшее средство подтвердить или скорректировать наши первые впечатления. До сих пор мы были согласны в том, что по своей форме кавказские пики по меньшей мере столь же отвесны, как и вершины в наиболее зазубренной части Альпийского хребта. Чего не хватает в долинах Терека и Ардона, это крупных ледников и лесов. Поверхность земли должна быть необычайно изломанной, чтобы придать совершенно лишенной деревьев местности что-то еще, помимо монотонной дикости; поэтому, несмотря на некоторые поразительные виды в местах, где высокие пики замыкают долины с обоих концов, пейзаж верхнего Ардона можно охарактеризовать как в целом унылый.

На тропе лежало много снега, но он был довольно тверд и не создавал никаких трудностей лошадям. Бросив последний взгляд на окруженное горами пристанище, (с. 223) из которого мы только что сбежали, – вероятно, один из самых труднодоступных уголков Кавказа, – мы начали долгий, но приятный спуск, который привел нас в нижнюю долину. Склоны холмов пестрели цветами; у кромки снега мы обнаружили горечавки двух видов: обычную альпийскую разновидность и еще одну, более тускло-голубую; далее густые заросли белого кавказского рододендрона, перемежаемые розовыми большеглазыми маргаритками и оранжевыми маками, заставили нас обратить внимание на любопытные различия в окраске одних и тех же цветов на родине и на Кавказе.

Село, в котором мы решили сделать полуденный привал, построено на узком горном выступе между двумя ручьями. Люди показали нам гораздо более цивилизованными, чем те, которых мы покинули, и вскоре нас принимали в доме одного из местных жителей. Большой и темный вход, в котором хранились всевозможные орудия, вел в более светлую комнату, одна сторона которой выходила на балкон с видом на поток. Предметы мебели в осетинских домах многочисленны, но оригинальны; больше всего труда тратится на изготовление колыбелей и кресел. Первые тщательно украшены орнаментом; вторые широки и неглубоки, с низкой резной спинкой, и вполне способны уместить в себе парочку любящих пожилых супругов, но и совершенно не пригодны для отдыха. Столы по форме представляют собой нечто среднее между трехногими табуретами и модной сейчас в Лондоне низкой мебелью, обтянутой бархатом. Во внутренней комнате стояли две высоких кушетки, над которыми на стене висело оружие хозяина дома. Большой табун лошадей пасся на лугах на противоположной стороне речки, где мы заметили также группу мужчин, число которых постепенно увеличивалось во время нашего пребывания. Мы не встретили со стороны наших хозяев ничего, кроме вежливости; с нашими проводниками также обошлись весьма щедро, но когда один из них, ничуть не смущаясь, опрокинул чет-

вертый стакан (с. 224) «водки», словно воду, мы решили, что настала пора уходить. Мы спустились к ручью и перешли по мостику на луг на противоположном берегу. Группа, которую мы заметили ранее, теперь приблизилась к нам, и седой господин попросил нас предъявить наше разрешение на путешествие. Полагая, что выданный Форин-оффисом паспорт может быть выше его понимания, но в то же время не желая создавать ненужных затруднений, я предложил ему для проверки старую «подорожную»¹¹. На несколько минут нас обступила любопытная толпа, но бумага была вовремя возвращена, старейшина заявил, что он полностью удовлетворен, и мы беспрепятственно продолжили наш путь.

Перейдя приток реки и миновав еще одно село мрачного вида, мы совершили скучный, но легкий переход по ровным лугам к развилке ущелья. Многочисленные села, похожие одно на другое своими грубо сложенными каменными домами и частыми башнями, неизменно располагаются на склонах холмов, а нередко и на изолированных скальных выступах, что составляет одну из своеобразных черт этого района. Дефиле, через которое Ардон течет на север, было, как мы поняли, лесистым в своей нижней части, но западный рукав его верховья был таким же голым, как тот, что мы только что пересекли; мы перебрались через этот поток по мосту и поднялись на другой берег, чтобы выйти к трассе проектируемой проезжей дороги из Владикавказа в Кутаис через Мамисонский перевал. Дорога была спроектирована и частично проложена по склонам холмов, но поскольку везде, где требовались взрывные работы на скальных массивах, ничего сделано не было, она, конечно же, остается непроезжей для колесного транспорта; более того, во многих местах оползни и сели уже наполовину разрушили путь, который выглядит брошенным на произвол судьбы. Дорожное строительство не является достоинством русских, и власти так мало привыкли даже у себя на родине видеть что-либо, что (с. 225) в Западной Европе называлось бы дорогой, что они, естественно, медленно осознают необходимость строительства хороших шоссейных дорог на Кавказе. Когда военные цели требуют средства сообщения, солдаты отправляются на работу, и сооружается дорога, достаточная для сиюминутных нужд; если бы все дороги, которые были спроектированы и проложены с огромными затратами денег и труда, были достроены и содержались в порядке, Западный Кавказ был бы сейчас вполне обеспечен путями, пригодными для проезда легких экипажей, и было бы сделано гораздо больше для цивилизации страны. Дорога, о которой идет речь, имеет все-таки некоторый шанс на завершение, учитывая ее очевидное значение как кратчайшего пути от Владикавказа до побережья Черного моря. В сентябре прошлого года по этому маршруту проехал наместник Кавказа, и, возможно, его визит придаст местным властям необходимый импульс. Во время перехода по западному рукаву Ардона до Тиба (Teeb) смотреть было совершенно не на что. Тропа постепенно поднималась вдоль северной стороны долины, пройдя над несколькими селами, вокруг которых находились поля ячменя, огороженные неопрятными заборами. Нам встретился табун жеребят, которых гнали на юг на продажу; Кабарда, район, о котором я ниже расскажу подробнее, славится своей породой лошадей и ежегодно экспортирует их в большом количестве на рынки Тифлиса и Кутаиса.

Тиб состоит из нескольких деревушек, разбросанных по склону холма выше и ниже дороги; мы отправили Пола на разведку и стали ждать результатов его расспросов, которые оказались удовлетворительными, и нас поселили в чистой маленькой комнате на крыше дома. Местные жители, живущие вдоль оживленной дороги и имеющие в качестве соседей расквартированные здесь на протяжении многих месяцев войска, были более привычны к путникам и менее грубы, чем жители другой части долины. В селе был даже священник, который говорил (с. 226) по-русски и помог Полу в поисках птицы и яиц, а также в наведении справок о свежих лошадях. Проводники, пришедшие с нами из Закки, явно вышли за пределы своего домашнего круга и не

нашли никого, кто угостил бы их «водкой»; поэтому они захотели поселиться вместе с нами, но мы прямо заявили им, что считаем их не лучше воров и не желаем больше их видеть. Получив плату, они некоторое время послушались вокруг, бросая вожаденные взгляды на наши многочисленные принадлежности; но, поняв, что мы наблюдаем за ними и нет никакой возможности утащить бинокль или револьвер, предметы, на которые они посматривали с наибольшей алчностью, они удалились восвояси до наступления темноты.

6 июля. – Пол нашел двух честных на вид парней, которые согласились пойти с нами за три рубля (восемь шиллингов) в день на человека и лошадь. Это было намного выше принятой в стране цены, но составляло лишь половину того, что мы дали закинцам, и мы с радостью заключили сделку; наши новые сопровождающие оказались приятными и предупредительными, и мы оставили их при себе на несколько дней. Тиб был одним из немногих мест, где мы остановились после того, как покинули дарьяльскую дорогу, и где у нас не возникло причин жаловаться на грубость или вымогательство какого бы то ни было рода; дружелюбие же сельчан заставило нас смягчить то безраздельное осуждение, которое в противном случае мы были склонны испытывать по отношению к осетинам, с которыми нам теперь предстояло на время расстаться. Это племя, одно из самых известных на Кавказе, очень рано было обращено в христианство, которое оно исповедует и поныне, хотя мало заботится и о его букве, и о его духе. Их культ смешан с сопровождаемыми жертвоприношениями празднествами явно языческого происхождения, а доктрины, которых они придерживаются, сочетаются с суровым законом мщения, что приводит к длительным и кровавым усобицам между семьями и селами. (с. 227) Похоже, среди них нет бедной прослойки; все мужчины, которых мы видели, были хорошо и даже красиво одеты. Высокая овчинная шапка является универсальной, и большое внимание уделяется многочисленным декоративным деталям костюма. Патронташи¹² на груди часто инкрустированы серебром, а когда они отправляются за пределы своих родных мест, они непременно надевают пояс (обычно серебряный), к которому прикреплен вложенный в декоративные ножны обоюдоострый кинжал, напоминающий римский короткий меч; с другой стороны висит тяжелый кремнево-стальной пистолет в дополнение к различным более мелким необходимым вещам, таким как кожаный футляр для трута и кремней, нож и небольшая коробочка из окисленного серебра красивой работы, в которой они держат жир для смазывания пуль. Их одежда (с. 228) обычно в хорошем состоянии, и встретить убого одетого или плохо выглядящего человека среди них почти невозможно. В общем, нельзя не признать, что их внешний вид служит некоторым оправданием для звания «джентльменов гор», которым их наделил граф Левашов¹³.

Мы все еще находились на некотором расстоянии от верха долины, и пейзаж оставался таким же однообразным. Примерно в получасе пути над Тибом нам открылся прекрасный вид на огромную снежную массу – западный отрог группы Казбека. Тропа, постепенно поднимаясь под равномерным уклоном над потоком, делала длинные и частые крюки вокруг боковых ущелий, пока, после прохождения нескольких сел, перед нами не открылись истоки Ардона и длинная прямая долина не разбилась на несколько лощин, оканчивающихся вверху полукругом пиков, некоторые из которых были примечательны своими резкими пирамидальными формами. Наша дорога повернула к северной из этих лощин и некоторое время петляла вдоль ее склона по почти ровной поверхности, пока огромный снежный сугроб, стеной вставший поперек тропы и увенчанный нависающим карнизом, не заставил лошадей спуститься на дно лощины, в то время как мы сами продолжали следовать по линии проектируемой проезжей дороги. Снег только-только начал сходить с почвы, и цветы на ней были необыкновенно красивы. Мы были рады обнаружить непритязательные примулы и первоцветы, перемежавшиеся с горечавками и другими альпийскими растениями; но

совершенно новым для нас зрелищем была масса подснежников, окрашивавших землю в белый цвет и во многих местах пробивавшихся своими листьями и гроздьями цветов сквозь еще не растаявшие сугробы.

Мы увидели внизу большую группу местных, которые пересекли перевал в противоположном направлении и устроили полуденный привал. Хребет был уже виден, а над (с. 229) ним самым захватывающим дух образом вздымалась сквозь облака крутая вершина, явно принадлежащая к массиву, обозначенному на пятиверстной карте как Адайхох. Перед началом последних зигзагов дорога делает широкий поворот направо, чтобы пересечь ручей, вытекающий из небольшого ледника, заполняющего угол между хребтами вверху долины. Снег полностью покрывал всю прорытую колею около вершины, и если бы к этому времени от скопившегося под самым хребтом крутого сугроба не была протоптана тропа, нашим лошадям пришлось бы чрезвычайно трудно на подъеме.

Из-за расположения перевала с него открывается лишь ограниченный вид на запад, и долина Риона все еще скрыта; но верх ущелья, в котором находится один из истоков речки Глоласцкали (Glola-Squali)¹⁴ (одного из притоков Риона), лежал под нашими ногами, а над ним возвышалась громадная восточная вершина Адайхоха, главенствующая над несколькими соседними пиками. Очень крутой и изрезанный трещинами ледник, самый большой из тех, что мы видели после того, как покинули Казбек, стекал в долину, и мы пришли к общему мнению, что шансов на успешное восхождение в этом направлении немного. Вскоре сильный ливень скрыл вид. Дорога спускалась серией очень длинных и пологих зигзагов, на тот момент занесенных снегом; минувшей зимой снегопады были обильнее обычного, и можно предположить, что, если когда-нибудь будет построена проезжая дорога, эту ее часть придется перекрыть галереями, сделать которые не составит труда, имея под рукой столько древесины. Мы перепрыгнули через небольшой ручей и на его противоположном берегу прошли мимо добротного дома, построенного для офицеров, командовавших размечавшими дорогу солдатами. Позже я встретил одного из этих офицеров, и он подробно и красноречиво рассказал мне о тяготах, которые ему пришлось перенести, живя в течение трех месяцев, как он выразился, «на леднике». Ручей быстро сбегал в глубокое ущелье; дорога (с. 230) следовала за ним более свободно, изгибаясь по прекрасным пастбищам. Внезапно мы подошли к месту, где склоны холмов отходят на запад, и впервые увидели внизу значительную часть верхнего бассейна Риона, если включать в этот термин и долину его первого крупного притока Глоласцкали. Мало кто из тех, кто не видел абсолютно безлесной местности, может оценить магический эффект, который возникает, когда внезапно выходишь из нее в район с густым лесным покровом. Под нами находился верх глубокой долины, склоны которой поросли березой и ясенем, перемешанными ниже с благородными соснами, темная зелень которых резко контрастировала с более светлой листвой. Отрог за отрогом, хребет за хребтом приковывали к себе наши взгляды, пока, наконец, мы не увидели группу вершин прекрасной формы на южном берегу реки, которая, как и Ардон, окружена горными хребтами и прокладывает себе путь через узкую теснину. Мы постояли некоторое время в восхищенном изумлении, согласившись, что никогда не видели более прекрасного пейзажа, освещаемого, как в этом случае, полуденным солнцем, которое пробивалось сквозь облака и сияло тем особым блеском, который бывает в промежутках между сильными штормами. Вскоре мы очутились среди деревьев. Сначала отдельные березы склонили свои изящные ветви над тропой; затем появилась рябина, а вместе с ней множество цветущих кустарников и цветов (таких, как колокольчики и дикие розы), присутствие которых указывало на более благоприятную почву и климат.

Сама позиция Гуршеви (Gurschavi)¹⁵ на карте указывала нам на то, что это подходящее место для отдыха, а когда мы увидели деревушку, ее прекрасное расположение

сразу же убедило нас сделать ее, если это будет возможно, нашей базой на следующие день или два. На краю треугольного луга (с. 231) у подножья горы расположилось около дюжины деревянных домиков, больше похожих на неопрятную швейцарскую деревню, чем на каменные крепости осетин. За горой открывалось не менее трех ложин, все более или менее привлекательные для исследования, а спереди – широкий вид на бассейн Риона и пики на его южной стороне. Основная цепь была скрыта вклинивающимися гребневидными выступами. Дорога делает огромный зигзаг вниз по долине, чтобы достичь дна оврага под селом; но мы, спустившись по короткому пути и вскарабкавшись примерно на 200 футов на другой стороне, оказались рядом с домами, окруженными чудесной плантацией жгучей крапивы. Снаружи никого не было, поэтому мы заглянули в ближайший дом и обнаружили большую низкую комнату с несколькими скамейками и табуретками, которая сообщалась с другой с камином посередине, где находились две пожилые женщины, к которым Пол и обратился. Поначалу показалось, что у нас могут возникнуть сложности, так как кавказский этикет не позволял нам поселиться под одной крышей с представительницами прекрасного пола; но мы успели заметить совершенно неожиданную роскошь в виде нескольких отрубов говядины, подвешенных к одному из стропил, и потому были полны решимости сделать все, чтобы не быть выдворенными. Напротив дома стоял добротно построенный амбар; на нем мы и остановили свой выбор как на подходящем месте для отдыха и направились туда. Один угол занимала куча сена, и в целом помещение выглядело вполне жилым, хотя и мрачноватым из-за отсутствия окон. Вскоре появились и другие сельчане, и, убедившись, что нас вполне устраивает амбар, с энтузиазмом занялись его приведением в максимально комфортное для проживания состояния. Один подмел пол, другой принес скамейку, и Пол обнаружил, что все готовы помочь ему в его кулинарных операциях. Пока он готовил стейк, мы отправили Франсуа нарвать молодой крапивы, которая, если ее измельчить и сварить, превращается в превосходное овощное кушанье, едва отличимое от шпината. Деревушка была небольшая, и за все время (с. 232) нашего пребывания там мы видели едва ли больше двадцати человек. Они не были одеты в эффектный стиль осетин; одежда их была старой, порой рваной, патронташи сделаны из рога и дерева, а пояса – из простой кожи; равным образом и ножны висевших на них кинжалов не имели украшений. Явной «звездой» этого места был похожий на английского школьника 14-летний круглолицый парнишка, носивший великолепную войлочную шляпу с широкими полями, переходящими в круглую тулью, разделенную тесьмой, что по форме напоминало апельсин. Он проявил большой интерес к нам и нашим делам и привлек еще нескольких мальчишек «низшего ранга», которых держал в полном подчинении, к тасканию нам всего, в чем, по его мнению, мы могли испытывать нужду. В ответ мы развлекали его показом наших ножей, биноклей и прочих безделушек, так что, полагаю, наш визит стал для него источником немалого удовольствия и просвещения. Для нас было огромным облегчением оказаться в поселении простых крестьян и освободиться от многочисленных ограничений, связанных с путешествием в обществе «джентльменов» Осетии. Мы провели очень приятную ночь, хотя я и был весьма встревожен, обнаружив пропажу моего револьвера, который я отстегнул и, вероятно, оставил возле офицерского дома у подножья Мамисонского перевала. Мы решили, что, если погода будет хорошей, на следующий день Мур и Франсуа отправятся в разведывательную экспедицию вверх к подножью цепи, в то время как Такер и я (оба натершие пятки) останемся дома и займемся подготовкой выдающейся пирушки.

7 июля. – Утро не предвещало ничего хорошего, но Мур и Франсуа все же отправились в путь в надежде на прояснение. Однако полил сильный дождь, и мы, оставшиеся дома, охотно поздравив себя с нашим преимуществом, с большим удовольствием уселись писать письма и читать Шекспира, чьи сочинения от [издательства] «Глобус»

(с. 233) составляли изрядную часть нашей дорожной библиотеки. Наши товарищи вернулись лишь поздно вечером, принеся с собой мой револьвер, но не раздобыв особой дополнительной информации о горах. В разгар шторма они укрылись в упомянутом доме, а затем поднялись на хребет между двумя истоками Глоласцкали на высоту около 11 000 футов. Земля там была покрыта снегом с необычным розовым или, скорее, кирпично-красным оттенком – явление, которое мы часто наблюдали. В Альпах оно встречается очень редко и розовый оттенок обычно бывает не так выражен. Облака не дали им возможности разглядеть что-либо, кроме хвоста ледника слева, так что мы не могли строить никаких конкретных планов и были вынуждены ожидать прояснения погоды.

8 июля. – Когда мы проснулись, дождь уже закончился, и яркое утреннее солнце заливало светом роскошную котловину под нами, открывая свежую красоту красок и далее на ее лесистых склонах. Возвышавшиеся над нами пики четко выделялись на фоне голубого неба, и все выглядело свежим и манящим. День был совершенно прекрасным. Нашей главной целью было осмотреть южную сторону группы Адайхоха и выяснить, есть ли приемлемые перспективы совершения там высоких переходов или восхождений. Лучшим путем нам представлялся подъем по горному склону позади Гуршеви, поскольку мы считали, что скоро наберем достаточную высоту, чтобы увидеть большую цепь над поросшими травой выступами, которые сейчас скрывали ее от нас. Позади домов находится кладбище с высокими надгробными камнями, где в тени прекрасных деревьев «спят простые предки деревушки»¹⁶. Мы шли по краю небольшого плато, на котором стоит Гуршеви, пока не дошли до моста через ручей, вытекающий из углубления в юго-восточном углу хребтов, (с. 234) окружающих этот край бассейна Риона. Масштаб пейзажа, богатство растительности, но прежде всего красноватый цвет череды скальных зубцов, внезапно выставших из склонов на восточном берегу, сильно напомнили мне несколько похожих видов в Доломитовых Альпах итальянского Тироля. Лесная тропа шла вдоль потока, но, поскольку он все не набирал достаточной для нас высоты, мы повернули прямо вверх и стали подниматься по склону. Примерно 1000 футов мы карабкались среди прекрасных лесных деревьев, росших с пышностью и разнообразием, не встречающимися в Альпах. Подлесок был настолько густым, что нам часто было трудно продираться сквозь него, и мы помогали себе, хватаясь за крепкие ветви белых рододендронов, которые росли в большом количестве и были теперь в полном цвету. Сквозь кроны деревьев время от времени виднелись снежные вершины, и когда мы нашли участок берега, где ни одна веточка не заслоняла панораму главной горной цепи, полностью видимой напротив нас, мы решили, что лучше остановиться и произвести наблюдения, а не взбираться дальше по склону. Цепь не была свободна от облаков, но благодаря дувшему в ее верхней части сильному ветру нам удалось разглядеть в тот или иной момент каждый ее сегмент, хотя целиком она нам так ни разу и не показалась. Первая и самая впечатляющая из всех вершин, представших перед нами, находилась на месте, обозначенном на пятиверстной карте как пик Адайхох. Три длинных скально-ледовых (с. 235) ребра сходились в острую вершину, образуя одну из самых впечатляющих горных форм из когда-либо мной виденных. Скалы на левом, или северо-западном, ребре выглядели в телескоп весьма грозными, некоторые из них – фактически нависающими; другие же склоны горы были настолько закованы в лед, что являлись если не абсолютно недоступными (слово, которое, возможно, в наши дни лучше изгнать из лексикона альпиниста), то практически таковыми для нашей группы. Отделенный глубоким проломом от своего более стройного соседа, возвышался двуглавый массив, поддерживаемые огромными, причудливо изломанными скальными выступами. Под его гребнем занавесом висели огромные ледяные пики, процарапывая нижние снежные склоны. Эти две вершины, вероятно, ближе к 16 000, чем к 15 000 футам; западнее

от них цепь значительно понижается, и ряд снежных возвышенностей, не настолько выдающихся, чтобы привлечь внимание, соединяются ледяными хребтами, достаточно крутыми и высокими, чтобы представлять серьезное препятствие для любого, кто хотел бы преодолеть перевал и увидеть, что находится за ними. Скальные массивы, примыкающие к главному хребту, разделяли бассейны небольших ледников, заполнявших впадины у его подножья. Слева эффектно завершала группу одинокая снежная башня Бурдисулы (Tau Burdisula)¹⁷.

Мы были совершенно озадачены тем, как использовать добытые нами знания о соседних горах. Первым решенным вопросом стало то, что две большие вершины должны быть оставлены в покое, и мы склонились к предложению Мура, что нам следует перейти на северную сторону и вернуться обратно по двум ледниковым перевалам. На пятиверстной карте на западной стороне Бурдисулы был обозначен перевал Гурдзиевск (Gurdzieveesk), ведущий из Чиоры (Chiora)¹⁸ в долину Уруха (Uruch). Мы полагали, что обнаружили слабое место в вышеупомянутой горной стене (с. 236) восточнее Бурдисулы, с которого, если бы оно оказалось доступным с северной стороны, мы могли бы уверенно осуществить спуск в долину Риона. В конце концов было решено, что нам следует быстро вернуться в Гуршеви, забрать багаж и спуститься в Глолу (Glola)¹⁹, чтобы там переночевать. Мы знали, что оттуда до Чиоры можно легко добраться за один день, а из этого села, если погода останется хорошей, мы сможем пересечь известный перевал в направлении Уруха. На карте этот путь на северной стороне был показан идущим вдоль склона большого ледника, верх которого должен был находиться за уже замеченным нами разрывом в хребте и, вероятно, давать проход на южную сторону. Преимущество этого плана заключалось в том, что в случае плохой погоды или каких-либо других помех его осуществлению мы имели возможность вернуться через тот же перевал, который пересекли, на нашу базу. Приняв решение, мы немедленно приступили к его исполнению и понеслись через лес вниз к селению. Наши тибские проводники, которые все еще находились при нас, вскоре подготовили лошадей и погрузили им на спины наши пожитки. Перед нашим отъездом к нам привели на лечение человека болезненного вида, страдавшего, насколько можно было судить, чахоткой. Конечно, мы ничего не могли сделать для бедняги, но, желая доставить ему хоть какое-то удовлетворение, а также поддержать свою репутацию, мы открыли нашу маленькую аптечку и налили ему дозу хлородина. Зелье было тщательно выпито, и, как только пациент почувствовал его тепло, он с благодарностью потерял живот и, налив в чашку несколько капель воды, выпил и их в надежде извлечь из лекарства максимальный эффект. Наше прощание с мальчиком-принцем и остальными сельчанами было самым сердечным, а предложенная нами плата была на этот раз принята с выражением явного удивления и удовлетворения по поводу ее размера. Под всеобщий обмен рукопожатиями и выражения надежд, что мы приедем сюда снова (с. 237) в следующем году, мы покинули село, сожаление о расставании с которым прервало лишь сообщение Пола о том, что мы съели всю говядину. Принц и его друг спустились с нами до дороги, где окончательно с нами попрощались, и мы больше не видели этого самого веселого мальчика на Кавказе. <...>

Далее путешественники прошли горную Рачу и Сванетию, перебрались на северный склон и после непродолжительного отдыха в Пятигорске совершили восхождение на восточную вершину Эльбруса. Посетив затем Нальчик, они в сопровождении нанятых там проводников направились по ущелью Череха в Балкарию, откуда их путь вновь лежал в Осетию – в верховья Уруха.

Глава XII. Пятигорск и долина Череха

(с. 417) 18 августа. – <...> Сразу к северу от нас находилась зубчатая цепь, отделяющая верхние части долин Череха (Tcherek) и Уруха от небольших ущелий, ручьи из которых самостоятельно текут на равнину между двумя реками. Если взглянуть на

восток, то наиболее заметной особенностью ближнего вида будет выступающая вершина главной цепи, достигающая большей вертикальной высоты в меньшем боковом пространстве по сравнению с большинством гор. Она вырастает непосредственно из долины в виде серии обрывов, разделенных непропорционально маленькими уступами, и я полагаю, что, если ледяная шапка горы обвалится, ничто не сможет остановить ее фрагментов, пока они не достигнут русла Уруха. Большая часть группы Адайхоха была скрыта ближними хребтами; за некоторыми ее северными отрогами виднелись вдалеке две или три снежные вершины, в одной из которых мы легко узнали Казбек.

Наш конный караван быстро поднимался следом за нами к перевалу, и когда он присоединился к нам наверху, мы обнаружили проводников в прекрасном расположении духа ввиду неожиданной легкости их дневной работы. Первый спуск по восточной стороне проходил (с. 418) по крутым замерзшим берегам, на которых лошади благодаря идеальному состоянию снега и собственной опытности в таких переходах не испытали никаких затруднений. <...> На этой стороне горы было очень мало тропинок, которые могли бы нас вести, а проводники, похоже, не очень хорошо знали дорогу; так что, когда, пройдя вдоль небольшого потока среди роскошных пастбищ, мы вышли к краю крутого спуска, ведущего в ложбину Уруха, то оказалось, что мы слишком сильно отклонились влево, и лошадям пришлось сделать небольшой крюк, чтобы добраться до долины. <...>

Мы спускались по каменистому склону, а прямо напротив нас возвышалась та самая обрывистая вершина, которую мы видели с перевала. Хотя теперь мы рассматривали ее с более близкого расстояния, это ничуть не умаляло грандиозности ее отвесных скал, и мы были едины во мнении, что она заслуживает места в ряду самых впечатляющих достопримечательностей Кавказа. С таким объектом в пределах видимости пейзаж не мог быть скучным; однако, кроме окружающих гор, мало что другое было в состоянии привлечь внимание в длинной плоской долине, по которой некоторое время спокойно течет Урух, прежде чем нырнуть вниз в теснину, которую нам предстояло пересечь следующим утром. Поток превратил ровную местность в своего рода музей образцов горных пород главной цепи, принесенных сюда питающим его ледником. Далее мы вышли на полосу травы, где на каждом шагу из-под земли бьют многочисленные родники, зачастую превращая тропу в речку. В точке, обозначенной на карте как Кут (Kut)²⁰, поток с северного склона хребта, вершины которого по фантастической крутизне своих форм напоминают Доломиты, совершает изящный прыжок через скальную стену, (с. 419) после чего вливается в Урух. Здесь мы увидели следы человеческого обитания и группу крестьян в войлочных шляпах причудливой формы, косивших сено.

Проведя в пути десять часов, мы решили, что самое время сделать остановку, и поручили Полу выяснить у крестьян, не позволят ли они нам переночевать в полуподземной хижине, которую мы заметили неподалеку. Старший из крестьян, говоривший на диалекте, в понимании которого Пол испытывал величайшие затруднения, поначалу не произвел на нас благоприятного впечатления. Выражение его лица сильно напоминало маски, которые носят деревенские мужланы в бурлеск-шоу, а комичность, если не сказать нелепость, его вида усиливалась странной колоколообразной шляпой, изрядно потрепанной. Сначала у нас возникли некоторые сомнения относительно того, окажут ли нам здесь гостеприимство, но вскоре все возражения были сняты, и мы вместе проследовали через сенокос к двери хижины. Сооруженная на крутом склоне, она частично находилась под землей, фасад же выступал из холма наружу. Задний отсек занимал просторный, хоть и мрачный хлев, в который вела идеально чистая комната, где и заночевали наши проводники; мы же, поскольку погода была прекрасной, предпочли поставить палатку снаружи. Крестьянин с поносящим лицом, к которому мы первоначально отнеслись со столь несправедливым

предубеждением, оказался славным малым. Он принес нам не только свежее молоко, но и особый вид спиртного, что-то среднее между обычным пивом и кислым сидром, которым мы выразили величайшее восхищение, не замедлив опорожнить сосуд. <...>

Глава XIII. Долина Уруха и возвращение в Тифлис

(с. 422) 19 августа. – Утро выдалось безоблачным, и мы предвкушали наслаждение от предстоявшего нам в этот день путешествия вниз по долине Уруха, которая тянется на многие мили параллельно центральной горной цепи и пейзаж которой должен был, как мы полагали, оказаться в высшей степени интересным. <...>

(с. 423) Перед прощанием глава сенокосов попросил нас замолвить слово за их село в споре о пастбищах, который местные старейшины не в состоянии были разрешить и который, видимо, должен был стать предметом российского арбитража. Следуя обычаю этой страны, мы пообещали сделать все, что в наших силах, и, сердечно пожав руки, отправились в свой дневной путь. На протяжении некоторого расстояния ниже хижины Урух продолжал течь по ровным заболоченным лугам. Частые протоки серьезно затрудняли наше движение, так как грязь в них порой была глубокой, а прыжки через такие препятствия не входят в программу обучения кавказской лошади. <...> Когда же река начинает спускаться, она делает это с такой интенсивностью, что тропе, чтобы не отставать от нее, приходится прибегать к очень крутым зигзагам.

Подробное описание постоянно меняющихся особенностей ландшафта на протяжении следующих нескольких миль было бы утомительным и не дало бы достаточного представления о красоте пейзажа. Тропа, все время шедшая на значительной высоте по левой стороне долины, вела нас чередой террас и крутых спусков через ряд украшенных прекрасными еловыми лесами и оживляемых восхитительными водопадами теснин, над которыми справа нависали величественные снежные хребты. На двух поросших травой холмах высоко по обе стороны реки (с. 424) располагались группы полуподземных хижин, многие из обитателей которых косили сено на прилегающих лугах.

Жители верховьев Уруха, известные древним авторам как дигоры, являются, насколько мы могли видеть, лучшими представителями восточного христианства в этой стране. Тогда мы считали их ветвью осетинского племени, с территорией которых они граничат на востоке, но, кажется, новейшие авторы относят их вместе с народами Балкарии и Урусбиа к татарской расе²¹. Лесистая возвышенность конической формы дополняла вид на один из изгибов ущелья, образуя восхитительный передний план вершин главной цепи. Достигнув ее подножья, где тропа покидает склоны и возвращается к берегу ручья, мы оказались в краю более богатой и разнообразной листвы и не переставали любоваться контрастом между яркой зеленью нижних склонов и белым мерцанием возвышающихся над ними пиков.

Оставив позади конический холм, мы вышли в открытую долину. Справа открывалась котловина в окружении полукруглой череды обрывов. Несколько ледников простирали свои ледяные края до кромки скал, по которым живописными каскадами ниспадали ручьи. Венчали же все это, упираясь крутыми верхушками в небо, снежные пики, принадлежащие к тому неприступному типу горной архитектуры, который по праву можно назвать кавказским. Это было зрелище, похожее на цирк Дьяблере²², но гораздо более грандиозное. Мы ехали по роскошным, обильно орошаемым лугам на левом берегу Уруха, пока не остановились в тени живописной рощицы каштанов и лип, чтобы дождаться наших проводников. Когда они присоединились к нам, мы продолжили путь и, оставив слева от себя первую деревушку долины, прошли через поля уже почти созревшей для серпа кукурузы, либо тщательно огороженные забором, либо охраняемые всего (с. 425) несколькими колышками в зависимости от характера владельца.

Стур-Дигора (Styr Digor), где мы намеревались сделать полуденный привал, – главное место в этой долине; однако наши проводники по какой-то неведомой нам причи-

не решили направиться в относительно небольшую деревушку, расположенную в часе езды ниже. Вид с обратной стороны на полукруг покрытых льдом пиков и богатые пастбища на переднем плане был очень красив. В деревушке Моска (Moska) мы нашли только старую женщину, которая ничего не могла нам предложить, кроме яиц, да и их она с трудом собрала, поскольку ее куры явно не туда их положили. После более короткой, чем обычно, остановки и обмена приветствиями со священником в православном церковном одеянии, состоявшем из длинного мешкообразного пальто и мягкой войлочной шляпы, мы поспешили вниз по долине, стремясь преодолеть до наступления темноты как можно большее расстояние. За время нашей стоянки прелесть дня улетучилась, и облака быстро накрыли хребет, угрожая дождем, который и начал медленно накрапывать ближе к вечеру. Тропа снова спустилась к берегу Уруха, и справа открылось ущелье его первого значительного притока – Караугома (Karagam). <...>

Долина Уруха, тянувшаяся до сих пор с востока на запад или почти параллельно горной цепи, резко поворачивает к северу, и пейзаж становится менее интересным, хотя густые леса и изломанные скалы протяженного дефиле, по которому течет река, вызвали бы восхищение путешественников в любом регионе, не столь богатом (с. 426) горными красотами, как тот, что мы сейчас пересекали. Дорога, идущая вдоль левого берега и теперь достаточно широкая для колесного транспорта, утопает в тени густых зарослей орешника.

Мы ехали медленной рысью, когда нам встретился человек в обычном кавказском костюме, но с военной выправкой, отличавшей его от простых горцев. Он остановился, чтобы переговорить с нами, и, призвав на помощь Пола, мы узнали, что это казак на русской службе, посланный для оказания нам помощи комендантом [станции] Ардонской (Ardonsk)²³, который, в свою очередь, получил такое указание от генерала Лорис-Меликова²⁴. Он был в Дигории уже во второй раз; не сумев найти нас ранее, он вернулся в штаб, но был отправлен обратно с приказом дожидаться нашего прибытия – неожиданный знак внимания со стороны русских властей, за который мы им были особенно признательны с учетом того, что в последнее время наши проводники стали проявлять признаки непослушания. Готовность к оказанию нам содействия и понимание истинной цели нашего путешествия, продемонстрированные официальными лицами на северной стороне Кавказа, были для нас весьма приятны, и мы выражаем нашу глубокую благодарность генералу Лорис-Меликову и его подчиненным за столь любезно предоставленную помощь.

Вскоре мы миновали крупное село и, проехав немало миль по террасной тропе вдоль крутых склонов холмов, неизменно зеленых и живописно изрезанных, приблизились к месту, где Урух поворачивает на север, чтобы проложить себе путь через известняковый хребет, идущий параллельно центральной цепи. Перейдя сначала через главный поток по высокому мосту, мы затем пересекли чрезвычайно узкую расселину, из которой вытекает большой восточный приток. Тяжелые облака и моросящий дождь в сочетании с наготой пейзажа, часто встречающимися у дороги высокими надгробиями и обветшалым, а во многих случаях и разрушенным состоянием (с. 427) башен и групп крестьянских домиков, ютящихся на склонах, являли собой мрачный контраст с прекрасными видами и безоблачным небом, сделавшими столь приятными ранние часы этого дня. Тропа сначала круто поднималась вверх, а затем петляла по равной поверхности, огибая овраги и выступы, в которые был изъеден временем и погодой горный склон. Время от времени мы проезжали мимо пашен, но земля была каменистой и необработанной, и не было решительно никакого укрытия от ярости той жуткой бури с ветром и дождем, которая обрушилась на нас в этот самый момент.

В течение последнего часа нашего путешествия мы попали в настоящий водяной смерч; сгущающаяся темнота еще больше мешала направлять наших лошадей навстречу буре, и мы были рады благополучно добраться до каменных домов Заделеска

(Zadelesk), на которые казак указал нам некоторое время назад как на лучшее место для ночлега. Казак был теперь в высшей степени полезен; он взял в свои руки организацию нашего ночлега, и вскоре нас пригласили перейти из неудобной лачуги, в которой мы первоначально укрылись, в аккуратную маленькую комнату, где для нас нашлись матрасы, и мы провели очень комфортную ночь. За день мы проехали значительное расстояние: с небольшими остановками мы пробыли в пути целых одиннадцать часов.

20 августа. – К нашему удивлению, после бури предыдущей ночи утро выдалось спокойным и ясным. Расположение Заделеска весьма любопытно: построенный на горном уступе на высоте не менее 1000 футов над Урухом, он отделен от сел на противоположном берегу, находящихся сравнительно близко по прямой, утомительным подъемом, для преодоления которого требуется несколько часов. Ущелье, по которому течет река, слишком узко, чтобы быть заселенным, и деревушки, словно ласточкины гнезда, примостились на крутых горных склонах на полпути до их вершин.

(с. 428) Заплатив за проживание, мы отправились в путешествие нашего последнего дня на кавказских дорогах. Вся долина Уруха от Моски вниз настолько узка, что заслуживает скорее названия теснины; но главное дефиле, где река и горы сходятся для последней схватки, начинается в миле с небольшим ниже Заделеска. Осеняемый тенью прекрасных ореховых деревьев луг, который, когда мы проходили мимо, оживляло еще и большое стадо скота, представляет собой приятное место отдыха для тех, кто проделал путь с равнины через длинную теснину, давая им возможность бросить взгляд на залитые солнцем плоскогорья и снежные вершины над ледником Караугом. Сразу за лугом возвышается расколотый скальный гребень с прорезавшей его глубокой трещиной, что составляет сюжет легенды, в которой дьявол, как и положено, играет главную роль. Тропа вьется вокруг склона этого отрога, и хотя она тщательно ремонтируется и не представляет трудностей для лошадей, обрывы внизу слева от нас были настолько ошеломляющими, что мы предпочли спешиться, чтобы не подвергать себя риску в случае, если какое-нибудь из животных поскользнется. Находясь довольно глубоко в пасти горы, мы были вынуждены то спускаться в ее боковые расщелины, то карабкаться по скалистым зубцам, пока не добрались до места, где тропа начала неуклонно подниматься зигзагами вверх, поскольку строители дороги здесь явно отказались от задачи проникнуть дальше в ущелье как от совершенно безнадежной. Лишь изредка можно было видеть Урух, бурливший и пенящийся среди узких стен своей темницы. На противоположной стороне возвышался хребет из громадных известняковых скал, окаймленных елями и различными лиственными деревьями. По мере того, как мы поднимались выше, позади нас показывались все новые вершины заснеженной цепи, однако вид на север по-прежнему полностью закрывали сходящиеся скалы ущелья. Долгий и напряженный подъем привел нас к (с. 429) уступу, на котором располагалось одно из обычных высоких мусульманских надгробий, увенчанное вытесанным из камня тюраном.

Хотя мы и ожидали увидеть отсюда часть нашего дальнейшего маршрута, однако совершенно не были готовы к исключительной красоте пейзажа, внезапно открывшегося нашему взору. Стоя фактически у ворот гор на высоте, вероятно, не менее 3000 футов над уровнем Уруха, мы смотрели на лежащую к северу низменность. Широкая холмистая местность, покрытая чрезвычайно густым первобытным лесом, разделяет здесь горы и степь. На редких прогалинах тонкие струйки дыма выдавали присутствие человеческих жилищ; но страна казалась очень мало отошедшей от своего природного состояния, сохранению которого способствовало главным образом отсутствие безопасности и законности, проистекающее из ее положения пограничной территории между русскими постами в степи и обитателями горных убежищ. Бескрайние волнистые леса, простирающиеся до самого горизонта, и реки, которые, не имея

мостов и преград, струятся, словно яркие вспышки света, по зеленому ландшафту, создают у путешественника впечатление роскошной девственной страны, которую он ожидал бы найти скорее в Новом Свете, чем на Кавказе, этой предполагаемой колыбели своей расы²⁵. На несколько минут мы застыли, замороженные увиденным, не в силах вспомнить ничего из нашего опыта знакомства с более цивилизованными странами, с чем можно было бы сравнить это яркое и в то же время меланхоличное впечатление. В этом необычайном месте мы простились с горными твердынями Центрального Кавказа, и было бы трудно покинуть этот уже не таинственный для нас край путем, более предназначенным для того, чтобы оставить в нашей памяти неизгладимые воспоминания о его величии.

(с. 430) Наш казак рассказал нам, что в старину на холме, где мы сидели, размещалась туземная стража, охранявшая путников от нападений грабителей, которые имели обыкновение временами нападать из-за скал на свои жертвы и сбрасывать их затем в ближайшие обрывы. Частые надгробия, мимо которых мы проходили, во многих случаях являются памятниками этим несчастным. Тропа теперь резко повернула на восток и пересекла выступ, где известняковая скала выходила на поверхность, причудливо разломанная на щели и трещины, что вызывало некоторое замешательство у лошадей. Выбравшись из теснины, мы на время развернулись спиной к Уруху и поехали по крутому склону, пока не достигли вершины невысокого хребта, образующего водораздел между этой рекой и несколькими ручьями, текущими вниз по густо поросшим лесом ущельям, чтобы влиться в Терек дальше на востоке. Дорога неожиданно вошла в густой лес совершенно субальпийского характера; главным деревом был бук, но имелось большое разнообразие и других лиственных деревьев, густой подлесок же состоял, как обычно, из рододендрона и азалии, причем некоторые экземпляры последней достигали уровня наших голов, когда мы проезжали между ними.

Мы, однако, не могли полностью сосредоточиться на красотах этого лесного пейзажа, так как наше продвижение до некоторой степени затруднялось болотистостью почвы, усугубившейся недавними дождями, а также низкими ветвями. <...> Погода, к нашему великому сожалению, снова испортилась; дождь надвигался, но пошел только после обеда, которым мы успели насладиться на свежескошенном лугу. Тропа продолжала идти по водоразделу, и, проехав по голому гребню, мы круто свернули вниз по отрогу, разделяющему два глубоких, но узких ущелья, и снова въехали в лес. (с. 431) В этот момент хлынул проливной дождь. Как мы все благополучно преодолели следующие два часа поездки, для меня до сих пор остается загадкой. Дождь лил как из ведра, дорога утопала в грязи местами до состояния почти полной непроходимости, а стволы и ветки держали нас в постоянном страхе получения сотрясения мозга; тем не менее, изо всех сил стараясь удержать контроль над лошадьми, мы ехали быстрым шагом, возглавляемые казаком, который время от времени оглядывался и с удивлением обнаруживал, что его свита все еще не отстала. Наконец мы добрались до села Туганово (Tuganova)²⁶, построенного у подножья гор на левом берегу ручья, который, вытекая из лесистой долины, выходит здесь на равнину.

При въезде в село бросался в глаза добротный побеленный дом с верандами; это была резиденция местного вождя, которому русские пожаловали воинское звание и который теперь известен как генерал Туганов²⁷. Он мусульманин, а потому у него несколько жен, некоторыми из которых мы мимоходом смогли восхититься. Казак сказал, что мы можем воспользоваться гостеприимством генерала, но, поскольку он также предупредил нас, что если дождь продолжится, то на следующее утро ручей, вероятно, станет непроезжим, мы решили ехать дальше до Новохристиановского (Novo-Christiansky)²⁸, которое, как нам было сказано, находилось в десяти милях отсюда. Ручей, о котором шла речь, очень быстрый, уже сейчас едва можно было переехать вброд; но нам удалось благополучно переправиться через него, хотя лошадь ка-

зака наступила в яму и намочила своего хозяина до пояса. Лес постепенно редел, пока не исчез совсем, и мы оказались в унылой степи, лишь изредка скрашиваемой холмами, напоминающими искусственные курганы. Эта поездка под проливным дождем была весьма неприятной, и сумерки стремительно стужались, когда мы увидели вдали церковь Новохристиановского, название которого произошло от недавнего одновременного обращения всего села (с. 432) в христианскую веру – перемена, некоторым образом связанная, как я полагаю, со снижением налогов. Невысокие дома, однако, еще долго не показывались, и было уже совсем темно, когда мы проехали по покрытым слякотью местным улочкам.

Наш казак был родом из этого села и указал нам путь к отдельно стоящему зданию, где мы какое-то время посидели на открытой сырой веранде в неопределенном ожидании, пока он искал ключ. Когда ключ был найден, нам открылся доступ в сельскую лавку, из которой можно было пройти в две комнаты, скудно, хотя и, по деревенским меркам, претенциозно обставленные. После проведенного в дороге дня мы были промокшими, уставшими и голодными и думали лишь о том, чтобы раздобыть огонь, какой-нибудь матрас для сна и что-нибудь поесть. Первого и второго мы так и не дождались, а последнее появилось лишь спустя три часа; я крепко уснул на досках задолго до того, как принесли еду, и не стал утруждать себя тем, чтобы встать и отведать ее. Ночная сырость несколько оправдывала задержку в удовлетворении наших потребностей, а отсутствие чего-либо, на чем можно было бы лежать, объяснялось, вероятно, сменой веры сельчан; такие земные блага, как ковры и диванные подушки, по-видимому, считались настолько связанными с мусульманской верой и обычаями и противоречащими всем русским идеям, что первым шагом приобщенного к цивилизации и обращенного в христианство населения стало избавление от всего подобного имущества или, по крайней мере, воздержание от его демонстрации посторонним.

21 августа. – Утром дождь продолжал лить с прежней силой, и наши проводники выразили сильное нежелание противостоять непогоде и всевозможным водным опасностям, с которыми, по их убеждению, нам предстояло столкнуться прежде, чем мы доберемся до Ардонской. Мы же, зная, что Владикавказ находится менее чем в одном дне пути от нас, желали поскорее до него добраться и не видели причин задерживаться дольше, чем это было необходимо, среди наших неторопливых хозяев – «новых христиан». (с. 433) Мало что можно написать об этой отвратительной поездке протяженностью в пятнадцать миль, которую нам пришлось совершить. Все это время лил проливной дождь; нам пришлось переехать вброд один широко разлившийся, но, к счастью, неглубокий ручей и пробираться через тяжелую топкую грязь повсеместно плоской и безлесной степи. Наконец, вдали показалась роща, заслоняющая собой Ардонскую, и, переехав по мосту через еще одну речку, мы въехали в это состоящее из беспорядочно разбросанных крестьянских домиков село, примыкающее к крепости, спланированной в соответствии с математическими правилами и все еще окруженной рвом и валом, которые когда-то были необходимы для ее защиты. Пол попытался заставить своего коня перебраться через разрушенный вал, но животное поскользнулось на мокром склоне, и седок едва избежал болезненного падения в наказание за свое безрассудство.

Здесь мы снова выехали на шоссе и вскоре увидели здание с двуглавым орлом над дверью, указывающим на то, что перед нами почтовая станция. Насквозь промокшие и вымазанные в грязи, мы под этим предлогом остались на станции, а казака послали доложить о нашем прибытии коменданту и выяснить, нельзя ли здесь раздобыть экипаж с тентом и рессорой. Ответ гласил, что такая роскошь недоступна ни за какую цену, поэтому нам пришлось смириться с мыслью проехать двадцать пять миль, все еще отделявшие нас от Владикавказа, в обычных открытых повозках. На почтовой станции, хозяином которой был гражданский русский, мы нашли хорошую еду и

вино. Перспектива долгой поездки под дождем заставила нас с завистью смотреть на большие «бурки» из овечьей шерсти, которые носят местные жители, и в конце концов мы сторговались о приобретении двух. <...>

(с. 434) Прежде чем тронуться в путь, нам надо было уладить дела с нашими проводниками и казаком. Первые пришли в прекрасное расположение духа, получив небольшую добавку к сумме, о которой мы договорились. <...> Несмотря на дружеское расставание, мы не могли полностью забыть, хотя и могли простить, их поведение в дороге до того момента, когда к нам присоединился казак. Равным образом не могли мы недооценивать и его заслуг в устранении трудностей и оказании нам помощи в продвижении вперед сквозь непогоду и грязь последних двух дней. Он тоже вернулся домой вполне удовлетворенным.

Серия происшествий, ожидавших нас в пути до места назначения, началась с самого выезда: дощатый мост, по которому дорога – главная магистраль сообщения между Россией и Закавказьем – пересекала уличный канал, был запущен до состояния негодности и стал непроходим для колесного транспорта. Соответственно нам пришлось переезжать поток по руслу, однако колеса постоянно увязали в грязи, коренная лошадь отказывалась тянуть, и, несмотря на удары и проклятья кучера, который, находясь по пояс в воде, поочередно осыпал бранью упрямых животных, мы долго не могли сдвинуться с места. Лишь с помощью нескольких прохожих, принявшихся яростно бить по голове коренника как главного нарушителя, мы были вызволены, а затем, несмотря на тяжесть степной дороги, которая нигде не замощена щебнем, быстрым шагом доехали до следующей станции в [станции] Архонской (Archonsk), переправившись по пути через несколько больших ручьев по длинным деревянным мостам. В хорошую (с. 435) погоду виды на покрытую снегом горную цепь и Казбек могут сделать эту поездку интересной, но когда все это скрыто, трудно придумать что-либо более скучное и однообразное. Архонская – пришедший в упадок военный пост, ныне населенный в основном племенем тощих голодных свиней.

Мы проехали еще около пяти миль, когда колесо одной из наших «телег» оторвалось и рассыпалось на куски; «почтовые правила» не позволяли нам выйти из этого положения, запрыгнув в обратную повозку, которая как раз проезжала мимо по пути во Владикавказ; и нам пришлось, отправив кучера сломанной повозки на одной из его лошадей за заменой, пересадить Пола в нашу «телегу», а Франсуа оставить посреди степи с багажом и револьвером дожидаться прибытия нового транспорта. Дождь прекратился, и, двигаясь по отлогому, но непрерывному подъему, мы оставили позади верстовые столбы и группу сильно подвыпивших русских солдат и с наступлением темноты въехали во Владикавказ. По обеим сторонам улицы тянулись длинные ряды побеленных зданий, использовавшихся, по-видимому, в качестве казарм и правительственных складов. Казалось, городу не будет конца, но вдруг копыта наших лошадей застучали по щебню, и через минуту мы уже пересекали нашего старого друга – Терек – по красивому каменному мосту, построенному английским инженером.

На расстоянии нескольких сот ярдов, на противоположном берегу реки, находится почтовая станция, большое и импозантное здание, служащее одновременно гостиницей и клубом для многочисленных офицеров, расквартированных во Владикавказе, которые в момент нашего прибытия давали бал местным дамам. Обеспечив себе хорошие комнаты, лучший обед, который нам только мог быть предоставлен, и бутылку шампанского в честь завершения наших блужданий по малохоженным (с. 436) тропам Кавказа, мы с верой, отнюдь не обреченной на разочарование, стали ждать прибытия Франсуа и багажа.

22–24 августа. – Владикавказ, что по-русски означает «ключ к Кавказу» (или Терек-Кала, «крепость на Тереке», как предпочитают называть его осетины), является центром военных сил, которые Россия в течение многих лет держит у северного

подножья Кавказского хребта. Расположенная на равном расстоянии от Черного и Каспийского морей, его крепость служила препятствием для любого объединения и совместных действий племен Кабарды и еще более грозных горцев Дагестана. Если вспомнить, что Владикавказ также является ключом к Дарьяльскому проходу – большой дороге через хребет, известной с римских времен, которая, к немалому стыду для современного предпринимательства, все еще остается единственным проезжим для колесного транспорта путем на пространстве от Анапы до Дербента, – то ее стратегическое значение сразу становится понятным, и посетитель без труда поймет причину появления больших скоплений казарм, которые составляют главную особенность этого места.

Город живописно расположен на ровной местности по обоим берегам Терека; будучи открыт с севера, он защищен с юга лесистыми холмами, за которыми хорошо видны более крутые склоны и более высокие вершины Кавказского хребта. Здесь царит совершенно русский дух. Наша гостиница стояла на открытой площади: с одной стороны был базар – ряд крытых галерей, заполненных магазинами, где самым привлекательным товаром были осетинские меховые шапки; с другой тянулся длинный бульвар с тенистой гравийной дорожкой посередине. Дома вдоль него – аккуратные строения; остальная часть города состоит из больших казенных складов, контор и казарм, разбросанных тут и там в грязи среди беленых домиков, скромно стоящих в стороне от дороги и словно чувствующих себя лишними в такой компании. (с. 437) Как это обычно бывает в русских городах, здесь также имеется тенистый, но неухоженный общественный парк на берегу Терека, воды которого покрывали лишь небольшую часть его широкого каменистого русла. На склонах близлежащих холмов расположены несколько вилл в полуанглийском стиле, весьма любимом в России, и сама крепость, до недавнего времени игравшая важную роль в защите города от внезапных атак горцев, страх перед которыми почти непрерывно держал здешнее население в состоянии осады.

Привлеченная выступлением канатоходца толпа в конце бульвара дала нам хорошую возможность рассмотреть характерные костюмы этой страны. Русские дамы в парижских туалетах, курящие сигареты, попадались вперемешку с высокими, правильно сложенными осетинами и сравнительно тщедушными, с желтоватыми лицами чиновниками в нелепых фуражках, столь распространенных в России. По краям толпы слонялись персидские рабочие в плотно прилегающих тубетейках и рваной одежде, забравшиеся так далеко на север в поисках средств к существованию посредством работы на дорогах. Стражи порядка, с беспечным видом стоявшие по дальним углам, ничего не охраняли, и лишь военный оркестр оживлял представление, которое само по себе было не слишком захватывающего свойства.

Первым делом мы посетили почтовую станцию. <...> К нашему огорчению, там нас встретила новость о том, что дарьяльская дорога размыта и всякое сообщение [с Тифлисом] прервано на несколько дней. Мы уже начали думать, что нам (с. 438) никогда не удастся избавиться от наводнений. Повреждение произошло на втором перегоне от Владикавказа, и, поскольку, как было сказано, отряд солдат уже занимался приведением дороги в проезжее для экипажей состояние, нам не оставалось ничего другого, как ожидать известий о завершении этих работ, до чего начальник станции отказывался отправлять какой-либо транспорт.

Поначалу казалось, что нам придется возобновить знакомство с «телегами», но наша настойчивость была вознаграждена заключением соглашения о найме одного из компактных «дилижансов», являющихся особенностью русской почтовой системы. Эти прочные, тяжелые экипажи, запряженные в зависимости от характера дороги четырьмя или шестью лошадьми, вмещают, несмотря на свои размеры, всего пять пассажиров, не считая прикрепленных к каждому экипажу кучера и кондуктора. Их

внутренняя часть вмещает двух, в крайнем случае трех человек, и еще трое сидят на том, что можно назвать, хоть и с некоторой оговоркой, банкеткой. Они приспособлены для дальних поездок, и внутри можно очень комфортно спать, так как спереди опускается доска, позволяющая путешественнику вытянуться ночью во весь рост. Присутствие кондуктора, который, вооруженный рожком, сигнализирует всем более мелким колымагам, чтобы они убирались с дороги, будит сонных почтовых служащих и берет на себя всю ответственность за обеспечение лошадьми, также является большим удобством, особенно для иностранцев, не говорящих по-русски. В воскресенье вечером мы, к нашей радости, увидели приехавшую из Тифлиса карету, и, поскольку это решительно доказывало, что дорога открыта, начальник станции пообещал нам лошадей на раннее утро следующего дня.

24 августа. – Погода, бывшая в течение двух дней нашего пребывания во Владикавказе облачной, прояснилась за ночь, и, когда на рассвете мы выглянули в окно, (с. 439) нас приветствовала двуглавая вершина Казбека, возвышающаяся над хребтами справа от входа в Дарьяльский проход. Вид на снежную цепь оказался еще прекраснее, чем мы ожидали. Горы к западу от Казбека и отроги группы Адайхоха были хорошо видны, а далеко на горизонте еще раз показал нам свою заснеженную голову Дыхтау. Обрывы на восточной стороне этой огромной вершины даже издали вызвали смешанное чувство восхищения и уважения. Наш кондуктор позабавил нас тем, что загрузил крышу дилижанса арбузами, обычным продуктом в Предкавказье, который он собирался продать с выгодой начальникам станций высоко в горах, где этот фрукт не так доступен.

Между Владикавказом и Казбеком три перегона, а расстояние составляет около двадцати восьми миль. На первом перегоне дорога качественно проложена и почти ровная; после пересечения плоского луга, где мы проехали мимо части местного гарнизона, занимавшейся строевой подготовкой и стрельбой, она тянется между невысокими холмами вдоль берегов Терека. Туманы, почти ежедневно накрывающие северные равнины, уже поднялись, и было любопытно видеть, как они, словно волны, разбиваются о крутые склоны перед нами, тогда как взгляд вверх в щель Дарьяла свидетельствовал о том, что дальше в горах небо было безоблачно-голубым. Не доезжая до Балты (Balta) мы обогнали два экипажа, в которых ехала семья некоего русского господина, путешествовавшая с такой многочисленной свитой, что для ее перевозки потребовалось двенадцать лошадей. Место, где Терек смыл дорогу, находилось в миле-двух от станции. Инцидент произошел из-за того, что работы изначально были выполнены нерешительным и малодушным образом. На ровной местности или там, где почва рыхлая, лучшего шоссе нельзя было бы и пожелать; но здесь, едва наткнувшись на твердую скальную массу, требующую взрывных работ, (с. 440) инженеры уклоняются от этого смелого решения, которое выбрали бы крестьяне любой швейцарской общины, и либо карабкаются через верх, либо ползут вокруг подножья препятствия. В данном случае был взят на вооружение второй вариант, и естественным результатом стало то, что Терек, вышедший из берегов из-за проливных дождей, подмыл и снес плохо сооруженную насыпь, по которой проходила дорога. Солдаты делали все возможное в сложившихся обстоятельствах, сбрасывая вниз камни и кучи хвороста; но участок был едва проходим, и пришлось распрячь наших лошадей, а тяжелую повозку перетащить с помощью солдат, которые для этого на время оставили свою работу.

В Ларсе (Lars), на второй станции, пейзаж, до сих пор довольно безмятежный, внезапно приобретает более суровый вид, и аккуратные выбеленные строения почтовой станции выглядят не соответствующими возвышающимся над ними мрачным скалам. Отсюда до Казбека дорога поднимается почти на 3000 футов. Нам потребовалось шесть лошадей, а русской семье – двенадцать; но поскольку мы прибыли на несколько

минут раньше, а в конюшнях не оказалось необходимого для обеих партий количества животных, нашим попутчикам пришлось ждать. Старый господин, естественно, рассердился и предъявил «коронную подорожную»; однако, обнаружив, что у нашего кондуктора – благодаря чьей расторопности мы его и опередили – имеется такой же документ, он не без возражений подчинился судьбе и закону почты, гласящему, что когда «подорожные» одного класса, то первым должен быть обслужен тот, кто первым приехал. Его семья, настроенная более философски, похоже, была мало огорчена этой задержкой, и гувернантка со своими подопечными отправилась в поход на ближайший горный склон со смелостью, вызвавшей наше искреннее восхищение. <...>

(с. 441) Проехав самую тесную часть ущелья, мы увидели дарьяльский форт – низкое кирпичное здание с бойницами для ружейной стрельбы, контролирующее узкий проход посредством двух выступающих башен. Как нам сказали, скальная масса в форме стола (с. 442) с плоским верхом на противоположной стороне долины раньше была занята более древним укреплением, которое теперь полностью разрушено. Подъем здесь становится очень резким, и Терек ниспадает вниз серией каскадов. За Ларсом горные стены по обе стороны не прерываются ни одной сколько-нибудь глубокой расселиной, пока внезапно справа не открывается вид на верхнюю часть Девдоракского ледника и вершину Казбека, которые могут показаться глазу, непривычному к пейзажам подобного масштаба, находящимися совсем рядом. <...> На казбекской почтовой станции говорящая по-немецки (с. 443) служащая позабавила нас рассказом о каких-то людях, которые после нашего первого визита приехали из Тифлиса, чтобы подняться на гору, но довольствовались тем, что полюбовались на нее и проехали дальше. В Кобе начальник станции был, как обычно, навеселе. Темнело, и, пока мы поднимались на перевал, начал накрапывать дождь; луны не было, и поэтому нам пришлось заночевать на этой станции близ вершины, хотя она и не так хорошо оборудована, как большинство других на этой дороге. <...>

На следующий день путешественники вернулись в Тифлис.

Перевод с английского Г.В. Чочиева

Примечания:

1. Речь идет об исторически населенном осетинами Трусовском ущелье (осет. *Тырсыгом*), ныне находящемся в составе Степанцминдского района Грузии.
2. Двалетия – устаревшее название Туальского ущелья и соответствующего общества (осет. *Туалгом*) на юге Северной Осетии.
3. Так автор называет кавказские черкески и папахи.
4. Пари – село в Сванетии.
5. Инид – жена сэра Герайнта, одного из рыцарей Круглого стола в сказаниях о короле Артуре.
6. Пятиверстная карта – карта Кавказа масштабом 1 дюйм к 5 верстам, составленная в начале 1850-х гг. русскими военными геодезистами под руководством генерала Иосифа Ходзько. Ее экземпляр был предоставлен Фрешфилду и его спутникам в топографическом департаменте кавказского наместничества в Тифлисе.
7. Трингельд (нем.) – чаевые.
8. Разумеется, у «противной» стороны могло быть весьма отличное видение как справедливых расценок на свои услуги, так и причин, хода и итогов конфликта. В своей вышедшей в 1896 г. новой книге о Кавказе Фрешфилд вернулся к этому эпизоду, дав ему определенно более сбалансированную оценку: «Осетины, похоже, более вспыльчивы, чем соседние племена. Дважды я чуть в открытую не поссорился с ними. В первый раз, в 1868 году, стычка произошла из-за требования чрезмерной платы и,

возможно, в какой-то степени по нашей вине. Мы были молоды, а наш переводчик, привыкший на службе у покойного мистера Гиффорда Пэлгрейва к тому, что к его хозяину проявляют уважение, подобающее британскому консулу на Востоке, был резок в обращении» [6, I, 103]. Далее, делаясь своими соображениями о правилах взаимодействия европейцев с осетинами в горах, Фрешфилд писал: «По моему опыту, подобные преходящие недоразумения нечасты, и я ни разу не слышал, чтобы в результате хотя бы одного из них путешественнику был причинен какой-либо вред. Однако месье Левье (швейцарский ботаник Эмиль Левье. – Г.Ч.) рассказывает историю о русском офицере, который, когда на него напала овчарка, пристрелил ее. После этого на него набросился и осетинский пастух с такой яростью, что ради собственной безопасности офицер был вынужден пустить в ход револьвер во второй раз. Можно заключить, что благоразумнее избегать мелких споров с осетинами, а их овчарок отгонять ледорубами, а не огнестрельным оружием. Я много раз с полным успехом следовал первому образу действий» [6, I, 103]. Полное описание упомянутого в вышеприведенной цитате трагического инцидента см. в: [8, 160].

9. Здесь и неоднократно ниже автор делает полемическую отсылку к словам, сказанным военным губернатором Кутаисской губернии графом Владимиром Васильевичем Левашовым во время посещения путешественниками его резиденции вскоре после прибытия в российское Закавказье. Как отмечено в записках англичанина, «... граф сказал мне, что мы найдем осетин (племя, живущее на северной стороне хребта в долинах вокруг Казбека) джентльменами Кавказа» [4, 85].

10. В издании 1896 г. Фрешфилд вновь счел нужным объяснить причину этого изменения в маршруте: «В 1868 году мы намеревались подняться по Цейскому (Zea) ущелью и переправиться из его верховья к Мамисону. Но трудности, которые мы испытали с местными жителями при пересечении глубоких и изолированных котловин, где берет начало Нардон (Nardon), заставили нас отказаться от замысла, предполагавшего расставание с нашим багажом. В результате мы осуществили лишь половину своего плана и удовлетворились для начала тем, что переправились на южный склон Мамисона» [6, I, 128].

11. Подорожная грамота – государственный документ, применявшийся в России почти до конца XIX в. для получения казенных лошадей на почтовых станциях во время проезда по почтовым дорогам.

12. Патронташами автор называет ряды газырей на кавказских черкесах.

13. См. прим. 9.

14. Имеется в виду р. Чанчахи, левый приток Риони.

15. Гуршеви – грузинское название ныне опустевшего села Кадисар (Айларт) на крайнем северо-западе Южной Осетии. Из дальнейшего описания Фрешфилда складывается впечатление, что его жители не были осетинами, хотя грузинами они также не названы. Вместе с тем, по данным грузинского исследователя Г. Чиковани, основанным на устных преданиях местных рачинцев, село было заселено мамисонскими и кударгомскими осетинами еще в 1820-х гг. (Чиковани Г. К вопросу о поселении осетин в Западной Грузии (Рача). КЕК, 2003 (на груз. яз.). С. 167; цит. по: [9, 5–6]). Очевидно, что населенный пункт сохранял свой осетинский характер и в начале XX в., в силу чего и был включен в состав Юго-Осетинской автономной области в 1921 г. С учетом сказанного можно предположить, что отмечаемые Фрешфилдом разительные социокультурные отличия гуршевцев от ранее посещенных им осетин Туалгома и, напротив, схожесть первых с жителями близлежащих грузинских сел (ср., напр.: «жители Глолы были того же типа, что и жители Гуршеви – простые крестьяне, носившие обычную одежду, увенчанную войлочными шляпами различной, порой весьма комичной формы» [4, 240]) были результатом достаточно длительного соседства и аккультурации к югу от Мамисонского перевала.

16. Фраза из стихотворения английского поэта XVIII в. Томаса Грея «Элегия на сельском кладбище» (в оригинале: «The rude forefathers of the hamlet sleep»).
17. Имеется в виду гора Караугом.
18. Чиора – село в Онском районе Грузии, на левом берегу р. Риони.
19. Глола – село в Онском районе Грузии, на р. Чанчахи.
20. Возможно, имеется в виду селение Куусу.
21. Автор не уточняет источник получения им этой ошибочной информации.
22. Дьяблере – горный массив в швейцарских Альпах.
23. Ныне город Ардон.
24. Михаил Тариэлович Лорис-Меликов – российский военный и государственный деятель. В описываемый период начальник Терской области.
25. Автор здесь транслирует распространенное в XIX в. ошибочное представление о происхождении европеоидной расы с Кавказа.
26. Ныне село Дур-Дур.
27. Имеется в виду генерал-майор Асламбек Батырбиевич Туганов.
28. Ныне город Дигора.

1. *Ткаченко Д.С.* Путевые заметки Роберта Портера как источник изучения формирования образа Кавказа у европейской общественности первых десятилетий XIX в. // *Кавказология*. 2022. № 2. С. 22–36.

2. *Сефербеков М.Р.* «Путешествия по Восточному Кавказу...» Артура Канингейма как источник по истории и этнографии Дагестана второй половины XIX в. // *История, археология и этнография Кавказа*. 2023. Т. 19. № 3. С. 592–609.

3. *Сефербеков М.Р.* Сведения о Дербенте и его окрестностях в книге Джона Аберкромби «Путешествие через Восточный Кавказ, с главой о языках страны» // *Известия СОИГСИ*. 2026. Вып. 59 (98). С. 168–190.

4. *Freshfield D.W.* Travels in the Central Caucasus and Bashan; including Visits to Ararat and Tabreez and Ascents of Kazbek and Elbruz. London: Longmans, Green, and Co., 1869. XIII+509 p.

5. *Ельков А.Ф.* О Дугласе Фрешфильде и Адольфусе Муре накануне 140-летия их восхождения на Эльбрус // *Риск*. [Электронный ресурс]. URL: <https://risk.ru/blog/4103>

6. *Freshfield D.W.* The Exploration of the Caucasus. London: Edward Arnold, 1896. Vol. I. xii+278 p.; Vol. II. viii+295 p.

7. Douglas Freshfield // Wikipedia. [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Douglas_Freshfield

8. *Levier E.* A travers le Caucase: notes et impressions d'un botaniste. Paris: Fischbacher, 1895. 347 p.

9. *Гелашвили М.* Грузино-осетинские языковые взаимоотношения: Дис. ... д-ра филологии. Тбилиси, 2019. 214 с. // Calameo. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.calameo.com/books/005896782317c6deb4f1c> (на груз. яз.)

Chochiev, Georgy V. – Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0001-8082-7806>; georg-choch@yandex.ru

OSSETIA IN THE TRAVEL NOTES OF DOUGLAS FRESHFIELD (1868).

Keywords: travelogues, Douglas Freshfield, Ossetia, material culture, social life, everyday life, socio-economic transformation

Presented above is a translation of fragments of travel notes related to Ossetia by the famous English mountaineer and geographer Douglas Freshfield, made during his “great” journey through the Middle East, the Caucasus and European Russia in 1868 and published the following year in London. The descriptions of the author’s and his companions’ contacts with the local population and observations of the latter’s way of life, customs and mores contained in the text are of undoubted interest as documentary evidence from a foreign eyewitness about various aspects of the material and social culture, everyday life, economic activity and ethnosocial psychology of the Ossetian highlanders during the specified period. The proposed notes also contain brief but quite original information about the foothill North Ossetian settlements and especially the capital of the Terek Region – the city of Vladikavkaz. Despite the subjectivity and superficiality of some of Freshfield’s assessments and judgments, which is natural for the genre of travelogue memoirs, the introduction of the factual material he provides into scientific circulation can serve, in combination and comparison with data from other sources, as additional support in the work of Ossetologists – ethnographers, anthropologists and historians.

For citation: Chochiev, G. V. Ossetia in the travel notes of Douglas Freshfield (1868) // Izvestiya SOIGSI. 2026. Iss. 61 (100). Pp. 145-173. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2026.100.61.014

References

1. Tkachenko, D.S. *Putevye zametki Roberta Portera kak istochnik izucheniya formirovaniya obraza Kavkaza u evropeiskoi obshchestvennosti pervykh desyatiletii XIX v.* [Robert Porter’s travel notes as a source for studying the formation of the image of the Caucasus among the European public in the first decades of the 19th century]. *Kavkazologiya* [Caucasology]. 2022, no. 2, pp. 22–36.
2. Seferbekov, M.R. “*Puteshestviya po Vostochnomu Kavkazu...*” *Artura Kaningeima kak istochnik po istorii i etnografii Dagestana vtoroi poloviny XIX v.* [Arthur Cunynghame’s “Travels in the Eastern Caucasus...” as a source on history and ethnography of Dagestan of the second half of the 19th century]. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza* [History, Archeology and Ethnography of the Caucasus]. 2023, vol. 19, no. 3, pp. 592–609.
3. Seferbekov, M.R. *Svedeniya o Derbente i ego okrestnostyakh v knige Dzhona Aberkrombi “Puteshestvie cherez Vostochnyi Kavkaz, s glavoi o yazykakh strany”* [Information about Derbent and its environs in the book by John Abercromby “A trip through the Eastern Caucasus, with a chapter on the languages of the country”]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2026, iss. 59 (98), pp. 168–190.
4. Freshfield, D.W. *Travels in the Central Caucasus and Bashan; including Visits to Ararat and Tabreez and Ascents of Kazbek and Elbruz.* London, Longmans, Green, and Co., 1869. xiii+509 p.
5. Elkov, A.F. *O Duglase Freshfil’de i Adol’fuse Mure nakanune 140-letiya ikh voskhozhdeniya na El’brus* [About Douglas Freshfield and Adolphus Moore on the eve of the 140th anniversary of their ascent of Elbrus]. *Risk* [Risk]. [Electronic resource]. URL: <https://risk.ru/blog/4103>
6. Freshfield, D.W. *The Exploration of the Caucasus.* London, Edward Arnold, 1896, vol. I. xii+278 p.; vol. II. viii+295 p.
7. *Douglas Freshfield*. Wikipedia. [Electronic resource]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Douglas_Freshfield
8. Levier, E. *A travers le Caucase: notes et impressions d’un botaniste.* Paris, Fischbacher, 1895. 347 pp.
9. Gelashvili, M. *kartul-osuri enobrivi urtiertobebi* [Georgian-Ossetian linguistic relations]. PhD dissertation (in Philology). Tbilisi, 2019. 214 p. Calameo. [Electronic resource]. URL: <https://www.calameo.com/books/005896782317c6deb4f1c> (In Georgian)